

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

JS
6062
Z5
D76
1889_a

B 928,764

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

OP
LIBERALIZM I ZEMSTVO
V ROSSII

Mykhailo Petrovych Dragomanov

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
A Subsidiary of Xerox Corporation
Ann Arbor

XEROX

766947
OP 28435
B

**This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography
by University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1967**

Драгоманов

LIBÉRALISME ET ZEMSTVO EN RUSSIE.

Par M. Dragomanov.

ХРА 3919

ЛИБЕРАЛИЗМЪ И ЗЕМСТВО

Dragomanov, Mikhaïlo Petrovitch
ВЪ РОССІИ

1. Земскій либерализмъ въ Россіи (1858—1883).
2. Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ.

М. ДРАГОМАНОВА.

(Отдѣльный оттискъ изъ 1-го № 1 «Сводной Россіи»)

GENÈVE

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR.,

1889

JS

6062

.25

D76

1889a

604151-406

11

0

8

R

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

28 Jan 1954
Unrestricted file

Четъ изданаго изданія
примаворана А. П. Радомская

ЗЕМСКІЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ

(1858 — 1883)

Реакціонеры въ Россіи не скрываютъ теперь желанія возвратити ее всецѣло къ порядкамъ, которые существовали въ ней при Николаѣ I. Не будь опасности, что такая Реставрація увлчается и концомъ николаевскаго царствованія, т. е. новымъ севастопольскимъ разгромомъ, который теперь поведетъ за собою, кромѣ всего прочаго, страшное обѣднѣніе Россіи, можно было бы даже пожелать осуществленія этой Реставраціи. Тогда бы обнаружился передъ всѣми сколько-нибудь мыслящими людьми полнѣйшій разладъ между правленіемъ монархически-чиновническаго самодержавія и интересами и сознаніемъ населенія Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость кореннаго замѣненія этого правленія, а не однихъ только поправокъ въ немъ, введенныхъ въ первую половину царствованія Александра II.

Николаевскіе порядки были завершеніемъ самодержавнаго „уклада“ въ исторіи Россіи и уже въ свое время наглядно показали, — въ мирѣ и на войнѣ, — свою несостоятельность. Оттого, между прочимъ, именно съ николаевскаго времени начался ниспѣль органической, непрерывной ростъ русскаго либерализма, который, чѣмъ дальше, становится изъ кружкового общественнымъ, изъ кабинетнаго — земскимъ. Обзоръ этого роста убеждаетъ, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ явленіемъ, которое развивается по законамъ исторіи и неизбежно должно достигнуть своего торжества и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ газетной статьѣ мы не можемъ вдаваться въ сколько-нибудь полное обзорнѣе исторіи русскаго либерализма, а бросимъ только бѣглый взглядъ на крупнѣйшія его заявленія по смерти Николая I и при этомъ почти исключительно

на тѣ, какія исходили вовсе не отъ людей, которыхъ бы можно было назвать теоретиками, но отъ практиковъ и при томъ отъ цѣлыхъ ихъ корпорацій. Другихъ заявленій и движеній мы будемъ касаться только мимоходомъ для отгѣненія сущности этого земскаго движенія.

При Николаѣ I изъ всѣхъ сословій сколько-нибудь организованнымъ и образованнымъ было одно дворянство. Настроеніе умовъ въ болѣе образованной частѣ дворянства подъ конецъ правленія Николая I очень хорошо охарактеризовано въ Запискахъ А. П. Кошелева (1812—1883), гдѣ между прочимъ читаемъ: „20 ф. 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Имп. Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удручливо оно было съ 1818 г. Тутъ подкрѣпительности и своеволія администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Пв. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ, и мы съ надеждами выжили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы“. (Стр. 82).

Конечно, кружокъ Кошелева, состоявшій изъ самыхъ образованныхъ людей дворянства, шелъ дальше другихъ, хотя и совершенно логически, отираясь отъ факта: „своеволія администраціи“. Но фактъ этотъ чувствовался всѣми, а потому созаніе необходимости реформы администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи и суда, и внесенія въ дѣла публичнаго общественнаго контроля, хотя бы въ видѣ гласности (свободы печати), стало уже и въ то время довольно широко распространено. Сначала оно выражалось въ сочувствіи къ публикаціямъ Герцена, которыя тогда читались на расхватъ, и въ сообщеніи ему для печати накопившейся въ послѣдніе годы царств. Николая рукописной литературы („Голоса изъ Россіи“) и обильныхъ корреспонденцій въ „Колоколъ“ (съ 1857 г.)* (съ 1858 г.

*) Программу самого «Колокола» Герценъ опредѣляетъ въ 1858 г. такъ: освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, — отмена предварительной цензуры, — таиннаго слѣдствія

требования реформъ въ отмѣченномъ направленіи стали являться въ коллективныхъ обращеніяхъ дворянскихъ собраній къ государю. Изъ такихъ обращеній наиболее определеннымъ былъ адресъ дворянства Владимірской губ., представленный въ Январѣ 1860 г. Послѣ вступленія, жѣтко характеризующаго управление Россіи, съ указаніемъ „на безгласность дѣлопроизводства и безответственность должностныхъ лицъ“, Владимірскіе дворяне представили слѣдующую программу реформъ:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управление общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное Управление для всѣхъ сословій и ответственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управление правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона *).

V. Руководимое только закономъ, гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная ответственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

VII. Ответственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ жѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита **).

Въ томъ же 1860 г. почти того же просили и дворянства губ. Нижегородской и Ярославской; въ 1861 г. подобный Владимірскому адресъ представило и Харьковское дворянство, а еще въ 1859 г. пять депутатовъ разныхъ гу-

(III отдѣленія) и безгласнаго суда, — отяѣла тѣлесныхъ наказаній (См. письмо къ франкфуртскому сенату; ср. письмо къ Александру II, которое уже въ 1856 г. ходило въ Россіи въ рукописяхъ).

*) Пунктъ этотъ отрицать III-е отдѣленіе, административную сенату и т. п.

**) Что разумѣлось тогда подъ этими, не совсѣмъ ясными словами VIII пункта, будетъ понятно, если мы приведемъ мѣсто изъ постановленія тверскаго дворянства 1862 г.: «для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразование финансовой системы управления въ томъ смыслѣ, чтобы оно вышло отъ народа, а не произвола . . . б) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управления.»

берній въ редакц. ком. по крестьянскому дѣлу просили кромя того — какъ потомъ и Ярославскіе дворяне — „о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій“⁴. С.Петербургское дворянство просило о „мѣстномъ самоуправленіи“⁵. (О томъ же просило въ 1862 г. дворянства Воронежское и Московское). Такого рода ходатайства появлялись съ 1858 г. не смотря на то, что правительство находило ихъ „не своевременными, неумѣстными“ и т. п. и дѣлало выговоры предводителямъ дворянства и главнымъ ораторамъ собраний.

Въ некоторыхъ собраніяхъ 1859—60 гг. (напр., особенно въ Орловскихъ) были дѣлаемы заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“, прозвучало даже слово „конституція“, но такъ какъ эти заявленія исходили отъ людей партіи аристократической (по тогдашнему „крябостниковъ“), то часть дворянства съ болѣе демократическими идеями (по тогдашнему „либералы“ и даже „красные“) не поддерживали ихъ, надѣясь, что вполнѣ самодержавная власть, не стѣсняемая „дворянскимъ парламентомъ“ проведетъ дѣло эмансипаціи выгодно для крестьянъ⁶).

⁴ Болѣе подробно обозрѣли мы это движеніе 1858—60 гг. въ статьяхъ „Толчите и отверзаете“ въ 56 и 57 №№ „Вольнаго Слова“. Также перепечатавъ и весь Владимірскій адресъ, доставленный въ „Козлоколѣ“ Н. С. Аксаковымъ, либеральнаго письма котораго къ Герцену см. въ № 60 „В. Слова“. Документы изъ этого движенія см. въ II т. „Матер. для ист. учрежденія крѣп. состоянія“ и пр. Берлинъ, 1861. Для характеристики настроенія „красныхъ“ интересно письмо Бакунина къ Герцену съ восторженной похвалою программѣ Муравьева Амурскаго: «1) Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землей; 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго; 3) Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ; 4) Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализацией Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура (сваряныя въ другомъ письмѣ: „желѣть... на первыхъ порахъ не конституціи и не большаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры) въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ воссоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріей и Турціей“ („В. Слово“, № 51, стр. 14). Интересно, что въ тоже время и сторон-

Когда, послѣ обнародованія Положенія 19 февр. 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красивые“ элементы изъ самой администраціи (какъ П. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа кр. земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ вѣхъ классовъ для приготвленія цѣльнаго проекта реформы. (*Revue des deux Mondes*, 1862, 15 Juin, 793—798) Рѣше всѣхъ были постановленія и адресы тверскаго дворянства отъ 2 февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напр. уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа кр. земель) и „созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля“. (См. Колоколъ, № 126).

Не смотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись инициаторы тверскаго адреса, (впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировъ посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ тоже время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія *).

Члены дворянскаго парламента осуждали централизацію и бюрократію и выражали опасеніе, что крестьяне, освобожденные отъ помещиковъ, попадутъ подъ неограниченную власть чиновниковъ.

* Вѣ это время конституціонное движеніе шло и среди «разночинцевъ» и выразилось дѣль тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: «Великорусь» (съ Августа по Ноябрь 1861 г.: въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), «Земская Дума» (1862), «Земля и Воля» (1862—63), (Части вѣ перепечатаны въ «Колоколѣ», въ бр. «Летучіе Листки», въ Гейдельбергѣ и журналѣ «Свободное Слово», въ Берлинѣ 1862 г.) Пущевъ былъ при «Великорусѣ» и прокътъ адреса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000-лѣтія Россіи въ Авг. 1862 г. Но въ этомъ раз-

Между тѣмъ въ западной половинѣ Имперіи шло движеніе нѣсколько иного рода: Польское національное движеніе несомнѣнно имѣло въ себѣ значительную долю либерализма, даже большую, чѣмъ та, которая проявлялась въ русскомъ дворянствѣ, но, во-первыхъ, демократическое направленіе въ средѣ польскаго дворянства, какъ Царства Польскаго, такъ и Западныхъ губерній, было слабѣе, чѣмъ въ русскомъ (къ такому заключенію приводитъ сравненіе заявленій представителей разныхъ губерній въ редакціонныхъ коммисіяхъ по кр. дѣлу въ 1859—60 гг.), а, во-вторыхъ, образованные поляки всѣхъ направленій хотѣли не реформы Россіи, а отдѣленія отъ нея не только Ц. Польскаго, но и Западныхъ губерній. Только небольшая часть ихъ въ Царствѣ Польскомъ готова была удовольствоваться, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время восстановленіемъ конституціи 1815 г., переходомъ къ чему въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ должна была служить административная автономія Царства.

политико-революціонномъ движеніи скоро обнаружилось два направленія: конституціонное и народническое; послѣднее отнеслось отрицательно къ конституціонализму, да и ко всему обществу и возложило всѣ надежды на «народъ» (особенно на раскольниковъ) и «молодежь» («Стѣны Вѣдворуссу» въ Колок, 15 Сент. 1861 г. Михайлова; къ Молодому Поколѣнію — его же, — явилась въ Петербургѣ въ Сент. 1861 г. «Молодая Россія» въ Лонѣ 1862 г.). При этомъ болѣе умѣренные, какъ Михайловъ, говорили: «за конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ генерья». «Молодая же Россія» предлагала чуть не поголовное избиеніе высшихъ классовъ. Но такъ какъ въ этихъ только классахъ и существовало тогда либеральное движеніе, то направленіе М. Р. шло собственно совсѣмъ наперекъ ему. М. Р. называла и Герцена и «Вѣлкорусса» отсталыми: къ тому же она, хотя и обѣщала въ будущемъ русскую федеральную республику, но въ настоящемъ предполагала «диктатуру рев. партіи и сохраненіе теперешней централизціи». Т. о. «Мол. Россія» носила существонное раздѣленіе въ самое революціонное движеніе, тогда федеративное. Появившіеся одновременно съ петерб. пожарами, М. Р. послужила поводомъ къ правит. реакціи и въ тоже время къ раздѣленію въ либеральномъ движеніи, отъ котораго стала отдѣляться катковская фракція, еще недавно выражавшая сочувствіе цѣлымъ тверскаго адреса. (Ср. «Русскій Гѣстникъ» 1862 Мартъ, 451 слѣд. и Июнь, 848 и слѣд. а также въ «Колоколѣ», «Молодая и Старая Россія», «Журналисты и Террористы», № 139 и слѣд.).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Н. Г. Чернышевскій, который у послѣдующихъ поколѣній получилъ репутацію социалиста-революціонера

Конституціонныя требованія ясно были заявлены въ адресѣ, поданномъ многими вліятельными поляками въ Варшавѣ 28 ф. 1861 г. Въ немъ упоминалось о «вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учрежденіямъ» и оплакивалось современное «отсутствіе въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды». Но въ этомъ адресѣ поляки были обособлены отъ другихъ народовъ имперіи, фразою, что «въ семьѣ народовъ европейскіхъ только одинъ польскій народъ лишень свободныхъ учреждений». Въ отвѣтъ на этотъ адресъ правительство установило въ Ц. П. выборные совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе, но польскіе либералы не удовлетворялись такими уступками. — и въ сентябрѣ 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замойскому адресъ, за 300 подписями, въ которомъ упоминають, что набиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адреса уѣздныхъ и городскіхъ совѣтовъ предполагали подать намѣстнику заявленіе съ 20.000 подписями о томъ, что «столько представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ (przy jawnej dyskusiji) можетъ выразить нужды края». — но что военное положеніе остановило это

(хотя дѣйстви сильное отношеніе его къ петербургскому революц. движенію 1861—1862 гг. осталось не выясненнымъ) и прогнаника конституціонализма (главнымъ образомъ на основаніи его статей о Франціи), въ «Шестяхъ безъ адреса», заданныхъ подъ его именемъ въ 1874 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе либеральному движенію въ дворянствѣ.

Герценъ и его друзья занимали двойственное положеніе: они поддерживали либеральное движеніе въ двор. собраніяхъ и даже составили свой проектъ адреса о конституціи, но въ то же время раздѣляли народническія иллюзіи; подкрѣпляя ихъ своего рода социалистическо-славянофильскою философіею исторіи («Начала и концы» и др. въ «Колоколѣ» 1862 г.). По этому поводу П. С. Тургеневъ писалъ одному изъ собирателей подписей для упомянутаго адреса: «Главное наше разноречіе съ Огаревымъ и Герценомъ, а также съ Бакунинымъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагають революціонныя или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ это—совсѣмъ наоборотъ. Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова, — я бы могъ прибавить — въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — существуетъ только въ меньшинствѣ образованнаго класса, — и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя не треплять не будемъ.» (Пензд. письмо 8 окт. 1862 г.)

заявление. Адресанты поручали гр. Замойскому довести до свѣдѣнія В. Ки. Намѣстника, что они, «какъ поляки, только тогда будутъ поддерживать правительство, когда оно будетъ ихъ (nasze) польскимъ, и когда посредствомъ основнаго устава (Ustawa Zasadniczą) при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены все провинціи, составляющія ихъ (наше) отечество».

Вскорѣ за тѣмъ, 29 ноября, минскіе дворяне подали адрессъ, въ которомъ желали равенства всехъ сословій и исповѣданій, свободы совѣсти и учреждений, согласныхъ съ духомъ народа (польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія литовскихъ (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ. Еще передъ тѣмъ, 1 октября дворянство Подольской губерніи пожаловалось на отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами, но болѣе всего настаивало на восстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Ц. Польскому и Западныхъ губерній.

На первыхъ порахъ польское національно-либеральное движеніе давало новый толчекъ либерализму и въ остальной Россіи, но за тѣмъ сепаратическій характеръ польскаго движенія, особенно же отождествленіе съ Польшей и такъ наз. Западныхъ губерній, а за тѣмъ вмѣшательство въ польскій вопросъ иностранной дипломатіи, на которую тогда очень надѣлялись польскіе патриоты, внесли разнь въ либеральное движеніе въ Россіи и способствовали его остановкѣ. Съ весны 1863 г. разныя корпораціи Восточной и Южной Россіи и даже Балтійскаго края начали подавать заявленія въ пользу сохраненія цѣлости государства, при чемъ рѣдкіе изъ нихъ (напр., костромское дворянство) сочли тактичнымъ сдѣлать прямой намекъ на необходимость земскаго представительства. — Большая же часть самыхъ либеральныхъ изъ этихъ заявленій ограничивалась общими словами о надеждахъ на непрерывное слѣдованіе правительства по пути реформъ. Надо замѣтить, что первоначально это адрессное движеніе было направлено не столько противъ поляковъ, какъ національности, сколько противъ иностраннаго вмѣшательства и стремленій къ раздѣлу Россіи. Самарскій адрессъ прямо говорилъ: Но въ самый разгаръ борьбы ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши серд-

ца... Мы сэкономим для лучшего времени сознание нашего племенного единства съ поляками». Этого лучшего времени и приходится ждать еще и теперь *)).

Во всякомъ случаѣ въ 1863 г. либеральное движеніе было еще такъ сильно, что съ нимъ должно было считаться и правительство. Даже Катковъ, выступившій уже рѣзко и противъ русскаго революціоннаго и даже радикальнаго движенія, а также противъ польскаго сепаратизма, съ которымъ онъ сталъ уже связывать всякія автономныя движенія въ разныхъ племенахъ и областяхъ, — предлагалъ созваніе все-россійскаго земскаго собора, и какъ необходимому для блага

*) Нія въ виду въ настоящемъ очеркѣ преимущественно земское движеніе, мы не можемъ останавливаться на отношеніи къ польскому вопросу тогдашнихъ русскихъ тайныхъ обществъ и эмиграціи, которому мы посвятили особую книжку «Историческая Польша и Велико-русская Демократія» (отд. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» 1881 г.). Приведемъ здѣсь только выдержки изъ тогдашнихъ революціонныхъ листовъ въ Россіи, которыя относятся прямо къ вопросу о національномъ представительствѣ. Въ проектѣ адреса, предложеннаго «Великоруссою» говорилось: «Благополите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русскои нации, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благополите созвать представителей польской нации въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ. Въ какую націю зачислить и куда созывать представителей литвиновъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ Западныхъ губерній, которыя польскіе патроты считали частью Польши, члены «Великоруссо» не опредѣлили. Въ 1863 г. въ прокламаціи «Земля и Воля» (4 февр.) сказано было: «Юзи русскіе! заявляю твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ Западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого захочетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ Минской и Подольской губерніи... Заявляю наше желаніе европейской войны, не соглашаясь помогать правительству въ прекращеніи польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлымъ совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединенію нашему въ Земскій Соборъ отъ всей земли русской, для обсужденія нашего главнаго дѣла: объ нашей землѣ и водѣ». И тутъ остался проблемой при какой администраціи. — Польскаго ли королевства, или Россійской имперіи, производилось бы народное голосованіе въ Западныхъ губерніяхъ, если бы уже до этого могло дойти тамъ безъ европейской войны, подобно тому какъ прежде тѣхъ было въ Савойи и Ниццѣ, которая сначала, съ согласія сардинскаго правительства, Наполеонъ III занялъ своими войсками, а потомъ провозгласилъ и голосованіе? На такую проблему основала своею силу катковщина (Р. В. 1863 г. № 1. «Польскій Вопросъ») а потомъ и открытая реакція всеяго, и польскаго, и русскаго либерализму, особенно когда крестьяне украинскіе, да и бѣлорусскіе, по своему голосовали противъ Польши

страны «организацию общественного мнѣнія», и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе («Русскій Вѣстникъ» 1863 г. Мартъ, „Что намъ дѣлать съ Польшею“?) *). Само правительство не рѣшилось отвѣтить отрицаніемъ на либеральныя требованія ни въ Ц. Польскомъ, ни въ остальной Россіи **). Въ манифестѣ къ полякамъ отъ 12 апрѣля 1863 г. оно указывало на установленныя уже въ Ц. Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе и обѣщало открыть новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Сохраняя и теперь эти учрежденія, говорилъ дальше царскій манифестъ, мы предоставляемъ себѣ, если онѣ выдержатъ испытанія практики, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, согласно потребностямъ времени и страны.

17 апрѣля, принимая разныя депутаціи, которые представили адреса противъ внимательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ, имп. Александръ II, который прежде выражалъ явное неудовольствіе при видѣ разсужденій дв. собраній о реформахъ, теперь какъ бы шелъ на встрѣчу этимъ разсужденіямъ, хотя и оговаривался на счетъ времени и порядка ихъ осуществленія :

И вѣроу вашимъ заявленіямъ преданности, говорилъ императоръ, повѣрите и вы мнѣ, что вся моя жизнь имѣетъ только одну цѣль: благо нашего отечества и развитіе его гражданской жизни. Но на этой трудной дорогѣ всякая поспѣшность не только не принесетъ пользы, а можетъ быть

* Незадолго передъ тѣмъ, когда въ 1862 г. правительство стало склоняться къ мысли установленія сейма въ Ц. Польскомъ, Катковъ высказалъ, что «въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ». (Совр. Дѣл. 1862, № 26. Нефѣдвинскій, «Катковъ и его время», 159—160). Въ такомъ же духѣ высказался и г. Платоновъ въ запискѣ «о необходимости Государственной Земской Думы», представленной въ петерб. губ. дв. собран. въ началѣ 1862 г. (Своб. Слово, вып. 3, 189—190).

**.) Изъ польскихъ требованій имп. Александръ II безусловно отвергалъ только присоединеніе Западныхъ губерній къ Польшѣ. Г. Ан. Леруа Вольфъ разсказываетъ, что, когда одинъ вліятельный польскій аристократъ (Замойскій?) сдѣлалъ объ этомъ намекъ, — то Александръ II отвѣтилъ ему: «М. г., Вы знаете, что не я проводилъ раздѣлы Польшы, но вы не можете требовать отъ меня раздѣленія Россіи». (Un homme d'état russe, 166).

только предна... Я надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе при важныхъ работахъ, которые намъ предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе до времени, когда я сочту его возможнымъ и полезнымъ *)).

Въ програмномъ разговорѣ, который имѣлъ Александръ II въ августѣ 1863 г. съ П. А. Милютинымъ, онъ выказался, что не имѣеть отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрнооданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны П. Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде пристуна къ реформамъ политическимъ, надо окончить реформы административныя, а чтобы воспитати страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія. (См. Anatole Leroy Beaulieu. Un homme d'état russe. Nicolas Milutine, 168—169; писано по замѣткамъ самого П. А. М.) Сентября 6 Александръ II открывалъ финляндскій сеймъ и сказалъ, что «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Слова эти были приняты во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ихъ съ манифестомъ 12 апрѣля заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учреждений, какъ перваго шага къ тому. Какъ и слѣдовало впрочемъ предвидѣть, царь, не побуждаемый болѣе энергическою агитаціей, не даль этого земскаго собора, по все же результатомъ агитаціи 1862—1863 гг. было ускореніе реформъ, которыя считались приготовленіемъ къ нему. Въ слѣдующемъ году были изданы Земское Положеніе и Судебныя Уставы, а въ 1865 г. обнародованы были правила о печати, ослабившія цензуру и подававшія надежду, что печать будетъ въ скоромъ времени поставлена исключительно подъ контроль суда.

Открытіе въ 1865 г. земскихъ учреждений официальной журналъ «Сѣверная Почта» встрѣтилъ статью, въ которой прямо назвалъ ихъ «школовъ представительныхъ учреждений».

*) Мы не имѣемъ русскаго текста рѣчи, а переводимъ ее съ нѣмецкаго: Allg. Zeitung 1863 № 125, Beilage.

Школа эта затянулась очень долго. На то оказалось много причинъ. Во-первыхъ, время открытія земскихъ учрежденій, оказалось неблагопріятнымъ для всякаго либерализма. Реакція польскому сепаратизму перешла незамѣтно въ общую реакцію, которую воспользовались сторонники николаевскихъ порядковъ. Что касается до западныхъ губерній, то, по крайней мѣрѣ, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ ихъ частяхъ польское движеніе, которое здѣсь могло опираться только на панскіе слои, вызвало въ массахъ народа сильную монархическую реакцію, которую, конечно, правительство постаралось раздуть. Оказавшіяся необходимыми здѣсь, и по народнымъ, и по правительственнымъ соображеніямъ, аграрныя реформы стали осуществляться, по совокупности всѣхъ вѣличныхъ условий, способомъ диктаторіальнымъ. Это обстоятельство было даже благовиднымъ революціоннымъ, почему на Западныхъ губерніяхъ, какъ и на Ц. Польское, не были распространены земскія учрежденія, между тѣмъ какъ явное сепаратистическое настроеніе польскаго дворянства дало правительству революціонный прецедентъ въ дѣлѣ сословныхъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ огромная полоса Европ. Россіи осталась безъ всякаго представительства, — а безъ нея и общенародное представительство являлось бы чѣмъ то оборваннымъ и ненормальнымъ.

Въ самихъ 35-ти губерніяхъ, въ которыхъ было введены всеобщія земства, вопросъ объ имперскомъ представительствѣ оказался еще преждевременнымъ, такъ какъ въ земствахъ едва сошлись вмѣстѣ все сословія и при томъ и такія, которыя до того не обсуждали еще публично не только имперскихъ, но и уѣздныхъ дѣлъ. Надо было время разнымъ сословіямъ хоть оглядѣться. А пока всеобщія земства только парализировали политическія стремленія дворянскихъ собраній, которыя одни, по закону, имѣли право петицій прямо къ королѣ. Когда въ 1865 г. дворянство московской губ. подало адресъ о созваніи общаго собранія людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ общины всему государству (перепечатанъ въ 195 № «Колокола» изъ «Вѣсти» 14 янв. 1865 г.), то Александръ II отвѣтилъ отказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ даже ограничилъ старое дворянское право ходатайства, заявивъ въ рескриптѣ мин. внут. дѣлъ, что сии одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ

сословій и брать на себя починъ въ вопросъ, рѣшеніе которыхъ зависить исключительно отъ Верховной Власти».

И характерично, что въ свое время этотъ отвѣтъ царя на дворянское конституціонное прошеніе даже не вызвалъ въ обществѣ неудовольствія, а шагъ московскаго дворянства былъ даже почти осмѣянъ въ «Колоколѣ» въ статьѣ «Прививка конституціонной оспы», гдѣ Герценъ чуть не сочувственно выразился: «Царь земщины отдался на первый случай удачнѣе безземельнаго царя» *).

Не знаемъ съ точностію, можно ли утверждать прямую связь между двумя явленіями, но во всякомъ случаѣ интересно, что вслѣдъ за московскимъ прошеніемъ о земскомъ соборѣ появились новыя правила о печати (6 апр. 1865 г.), которыя все-таки представляютъ уступку либеральному движенію).

Съ тѣхъ поръ до самого конца 70-хъ годовъ ни одно дворянское собраніе не представляло уже прошеній о земскомъ соборѣ. Не представляли ихъ и земскія собранія, какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что въ первое время даже среди передовыхъ людей изъ земцевъ, — которые тогда почти всецѣло принадлежали къ дворянскому классу, даже у тѣхъ, которые видѣли тѣсноту рамокъ, отведенныхъ правительствомъ земству, господствовало мнѣніе, что уже для самого приобрѣтенія довѣрія низшихъ классовъ, безъ согласія представителей которыхъ невозможно никакое политическое требованіе земству, — необходимо сначала наполнить готовыя уже рамки полезною дѣятельностію, а потомъ уже поднимать рѣчь объ ихъ расширеніи.

Надо впрочемъ отмѣтить, что много парализовала политическое сознаніе въ земствахъ и теорія, которой держались московскіе славнофилы и самодѣльные русскіе Гнейбты, — будто мѣстное самоуправленіе можетъ существовать независимо отъ политической формы государства. Теорія

*) Судя по этой статьѣ Герцена, поводомъ къ адресу московскаго дворянства было опасеніе, чтобы назначеніе В. Ки. Николаевича предѣдателемъ госуд. совѣта не повело льготъ полякамъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адреса: «Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, вишіе и внутренніе враги замолчать, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть». — Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не добьете! замѣтилъ по этому поводу Герценъ.

эта вложена была и въ книгѣ кн. А. Васильчикова «Самоуправленіе», которая, благодаря своимъ многимъ достоинствамъ, пользовалась уваженіемъ у земцевъ. (Критику этой теоріи см. въ III т. соч. Градовскаго «Начала госуд. права»). Свою долю вліянія имѣло и старое описаніе «дворянскаго парламента», распространенное именно въ болѣе демократической части дворянства и литературы и продиктованное Кавелину еще въ 1861—62 г., во время тогдашняго либеральнаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, его брошюру «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», въ которой вліятельный писатель совѣтовалъ дворянамъ, вмѣсто конституціонныхъ вожделѣній, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправления. Впрочемъ въ 1865 г., при открытіи земства, самъ Кавелинъ писалъ своимъ роднымъ: «отъ успеха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависеть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ. — по тѣмъ же порицаетъ конституціонную попытку московскаго дворянства, говоря: «выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой дѣли, высказывая все наше малодѣйство и пошлость. Выказывая безельную злобу и заносчивое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ дальше своего носа, и всѣ прочія состоянія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше». (Вѣстн. Евр. 1886, окт. 758—759). Большая часть легальныхъ демократовъ въ земствѣ и литературѣ смотрѣла тогда на конституціонализмъ и земство, какъ Васильчиковъ и Кавелинъ, — съ тою разницею, что изъ литераторовъ болѣе радикальные проширивали даже и надъ земствомъ, какъ надъ барскимъ парламентаризмомъ въ министерствѣ (см. «Новый Нарцисъ» Щедрина и др.).

Въ 60-е годы изъ земскихъ собраній только одно петербургское въ январѣ 1867 г. подошло было къ вопросу о земскомъ соборѣ, обсуждая послѣдствія финансоваго закона 21 ноября 1866 г., которымъ ограничивалось страннымъ образомъ право обложенія земствомъ промышленныхъ заведеній. Въ довольно рѣзкихъ рѣчахъ гр. Андр. Павл. Шуваловъ

подвергъ критикѣ, какъ законъ этотъ, такъ и способъ его разработки „канцелярскими“, и предложилъ просить объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, — „общими силами и совѣстнымъ трудомъ, какъ административной власти, такъ и земства русскаго. Говорю: Земства Русскаго, сказалъ гр. Ш., потому, что вопросъ, разработанный отдѣльно, но разнымъ губернскимъ собраніямъ, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ“. Въ собраніи предложеніе гр. Шувалова было смягчено (и затемнено) такою формулировкой: „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и Земства“. (Колоколь. 1867, № 338).

Правительство отвѣтило на это закрытіемъ петербургск. губ. земскихъ учрежденій, а также высылкою нѣсколькихъ земцевъ въ вост. г. и потомъ за-границу, — но выставивъ на видѣ не столько самое постановление пет. земск. собр., сколько рѣзкое порицаніе имъ администраціи*). Другія земства не поддержали петербургскаго, хотя повсюду законъ 21 Ноября вызвалъ неудовольствіе: многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ. Мы слышали отъ передовыхъ земцевъ мнѣніе, что имъ нельзя было втягивать необращенія еще учрежденія въ открытую борьбу съ правительствомъ, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія. Съ своей стороны правительство не заявляло себя противникомъ постановленія петербургск. земства въ основѣ и даже въ его окончательной редакціи и не созывая, конечно, общаго собранія „Русскаго Земства“, изъявляло намѣреніе прибѣгать къ совѣтамъ отдѣльныхъ земскихъ собраній, напр., предложивъ имъ разработку вопроса о подушной подати въ 1870 году Земства очень усердно поработали надъ этимъ вопросомъ; нѣкоторые представили замѣчательные доклады по всему податному вопросу, — а правительство положило всю эту работу подъ сукно!

Очень медленнымъ омытомъ лучшіе земцы были приведены къ сознанію невозможности плодотворной дѣятельности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ безъ общей политической свободы. Оказалось, что тѣсныя рамки дѣятельности земскихъ

*) Пет. губ. з. управа предлагала обжаловать министра внутр. дѣлъ въ сенатъ.

учреждений еще больше стѣсняются опекою надъ ними бюрократіи, привыкшей къ произволу*). Высшее правитель-ство, уже послѣ первыхъ началъ земства, стало принимать рядъ ограниченій даже и тѣхъ правъ, какіе даны были Положеніемъ 1864 года (ограниченіе права обложенія налогами промышленныхъ доходовъ, губернаторская цензура на вѣстий о земствѣ, расширеніе права председателей надъ предложеніями и рѣчами гласныхъ и т. п.) Крозь того оказалось, что земство не можетъ успешно дѣйствовать при данномъ устройствѣ административно-полицейскомъ, частная реформа котораго, сдѣланная правительствомъ (установленіе назначаемыхъ исправниковъ, вмѣсто прежнихъ избираемыхъ, хотя однимъ дворянствомъ) отняло у полиціи послѣднюю зависимость отъ населенія, надъ которымъ полиція окончательно надела грубѣйшимъ гнетомъ послѣ учрежденій (1878 г.) института урядниковъ⁷. Пеходившіе отъ самодержавнаго правительства новыя мѣры и законы шли совершенно въ разрѣзъ съ начинаніями земцевъ въ пользу населенія. Это надо сказать особенно о министерствѣ народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), которое вело ожесточенную войну съ земствомъ, и, наконецъ, организовало свою борьбу съ земскими школами Положеніемъ о школахъ и инспекціи 25-го Мая 1874 года, которымъ отмѣнялось болѣе либеральное Положеніе 1864 года. Вообще же на каждомъ шагѣ обнаруживалось отсутствіе перваго условия общественной дѣятельности: правъ личныхъ, особенно неприкосновенности лица и свободы печати, которыя правительство все болѣе стѣняло съ 1866 г., расширяя административную цензуру и произвольную цензуру**).

* Подробности въ брошюрѣ З. С. «Восемьдесятъ лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ» (Отд. оттискъ изъ «В. Слова») и въ «В. Словѣ» же «Земская хроника, № 57 и 58: Работа и препятствія по народному образованію, № 59. Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ». Ростъ озабоченія у дальновидѣншихъ земцевъ необходимости общей земской думы можно прослѣдить по заграничнымъ брошюрамъ Кошелева, начиная съ «Наше положеніе» (1874) Ср. «Записки Кошелева», стр. 199 и слѣд. Итоги см. въ прекрасной запискѣ елисаветградскаго земства «О препятствіяхъ къ дѣятельности земства», въ «Вольн. Словѣ» № 55.

** Въ 1871 г. издаво было положеніе о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, а также о порядкѣ административной цензуры. Эти положенія осыящали жандармско-

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ внѣшней, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входяція прямо въ официальный кругъ вѣдѣній земскихъ учреждений, чувствительно заѣли все населеніе Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ внѣшней политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависѣтъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровыя морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго волстанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизациою еще политикою „обрусенія“ (обвеликорусенія) окраинъ, — оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами балканскими и едва-едва одолѣло даже однукую на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходъ войны, съ неспособностію вождей, воровствомъ и т. п. заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ*).

полицейскій произволъ, до тѣхъ поръ нѣтъшій внѣзаконный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отягча ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1872 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной ссылки, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право запрещенія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е. комитету министровъ, — и началось сожженіе журнальных книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

*) Связь между внѣшней и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ» (въ газ. «Молва», которая была за нее запрещена на 8 мѣс.) и въ жевскихъ брошюрахъ: «Турки внутри, и внѣшніе» (1876), «Внутрен. рабство и война за освобожденіе» (1877), «До чего довели насъ?» (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи «Земли и Воля» подъ заглавіемъ «Выигрши послѣдней войны»: въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая только что вынесла на себѣ послѣдствія существующей въ Россіи полит. системы). Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, приближающую къ программѣ украинскія федералісты въ санславистовъ 1847 г. (Костомаровъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1843 г., жестокаго запрещенія

Внутри России сложилось къ 70-мъ годамъ, почти со-
всѣмъ сбоку отъ земской работы, социально-революціонное
движеніе, какъ изъ западно-европейскаго социализма, такъ
и изъ туземнаго народничества, «гозанадную струю» кото-
раго еще въ 60-е годы помещики-поляки прозвали
хлопо- (мужико-) маііеіі. Оно приняло извѣстный,
«нигилистическій», характеръ именно вследствие отсутствія
въ Россіи политической свободы *). Правительство, котораго
агенты, въ родѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатиро-
вали первыя проявленія этого теченія, съ цѣлью реакціи
аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ
съ социалитами столько фактовъ произвола и насилія (осо-
бенно съ 1874 года), что довело социалистовъ до отчаяннаго
протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн.
Циціанова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная
съ одесскаго 26 Января и кievскаго 28 Марта 1878 г.; по-
кушеніе на об.-помѣщ. Тренова 24 Января 1878 г., оправ-
данное присяжными 31 Марта, покушеніе на товарища
прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ 23 Февраля и убіеніе
тамъ-же жанд. б. Гейкина 25 мая 1878 г. при чемъ въ
первый разъ являюся прокламаціи, подписанныя „Несолн.
Комитетомъ р. с.-рев. партіи“).

Русское социалистическое движеніе 70-хъ годовъ приня-
каетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ
въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ „ли-

украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало мѣста даже для болѣе
свободныхъ, культурныхъ, стремленій украинскаго автономизма, а потому и
въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, чѣмъ
и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ
стремленіямъ украинофилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; см. дальше.

*) Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г.
даже Катковимъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести:
„Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отри-
цательныхъ явленій, — не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода
стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ
съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть
только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій, — усиле-
ніе въ нихъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче
будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во
всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, уступственныхъ,
политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣ-
ста для отрицательныхъ силъ общественной жизни.“ (Р. В. 1862. Іюль.
425—26. «О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева»).

бераламъ“ и къ „конституціи“, которую часто называли „севрюжиной“, (фраза Щедрина о помѣщикѣ, который не знаетъ, чего хочетъ „не то конституціи, не то севрюжины“). Но постепенно жестокости полиціи привели и р. социалістовъ къ борьбѣ сначала съ агентами правительства, а потомъ со всею его политической системой.

Такимъ образомъ совокупность опытовъ, которые сдѣлали разные элементы въ русскомъ обществѣ, въ ихъ соотношеніяхъ съ правительствомъ, привели, именно около 1878 года къ тому, что конституціонныя стремленія должны были вырваться наружу при первомъ удобномъ поводѣ. Поводъ этотъ дало обращеніе правительства къ обществу, по поводу убійства Мезенцева (4 авг. 1878 г.) и рѣчь императора въ Москвѣ (20 ноября) о необходимости «содѣйствія (общества), чтобы остановить заблуждающую молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь».

Теперь еще не выяснены побужденія Александра II къ такимъ обращеніямъ, но, кажется, онѣ находятся въ связи съ ролью, которую игралъ въ нашей внутренней политикѣ гр. Дм. Толстой. Помѣщенный реакціонной камарильей въ министры нар. просв. послѣ покушенія Каракозова въ 1866 г., гр. Дм. Толстой вылезъ уничтожить «корни нигилизма» своею школьною системою; а между тѣмъ послѣ 10—12 лѣтъ ея дѣйствія нигилизмъ только усилился. Гр. Толстому и его партіи оставалось свалить передъ монархомъ грѣхъ на общество, на отцовъ, которые-де недостаточно поддерживаютъ правительство. Монархъ. — наивный, какъ всѣ самодержцы, которыхъ, по слову Мордвинова, министры «самихъ держать», въ тепличной атмосферѣ. — и обратится къ отцамъ. Эти отвѣтили критикой министерства народнаго просвѣщенія, да и всей системы управленія.

Пять земскихъ собраній (харьковское, полтавское, черниговское, — самарское и тверское), изъ которыхъ три представляютъ подъ рядъ лежація южныя губерніи, — рѣшили отвѣтить правительству болѣе или менѣе прямымъ заявленіемъ о необходимости з е м с к а г о с о б о р а. Изъ этихъ заявленій цѣлкомъ проникли въ печать три: харьковское, черниговское и тверское. Первое изъ нихъ изъявляло готовность бороться съ социализмомъ („за общественный порядокъ, соб-

ственность, семью и вѣру⁴⁾), но заявило, что при теперешнемъ порядкѣ земскія силы не имѣютъ никакой организаціи: „Всемъ Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соответствуетъ его природѣ; дай ему то, что ты далъ болгарамъ“. На сколько извѣстно по отрывкамъ, въ такомъ же родѣ былъ и полтавскій отвѣтъ, который изъявлялъ готовность „вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества“. — но только подъ условіемъ организаціи общественныхъ силъ въ правильное представительство^{*)}.

Черниговскій отвѣтъ былъ чисто отрицательнаго свойства. Заявивъ, что думать, будто „идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значить игнорировать исторію развитія и распространенія идеи“, — что причины зла заключаются 1) въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (система гр. Дм. Толстого) 2) въ отсутствіи свободы слова и печати и 3) въ отсутствіи среди р. общества чувства законности (вслѣдствіе разобщенности) черниговское земство „констатировало свое полное безеніе принять какія либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и доводило это до свѣденія правительства^{**)}.

^{*)} О неблаговидности и недальновидности такой именно постановки вопроса о политическомъ представительствѣ мы говорили тотчасъ же послѣ того, какъ состоялись харьковскій и полтавскій отвѣты (Громада, т. IV, 260 и слѣд.) Но надо замѣтить, что фразы, въ родѣ „вырвать съ корнемъ зло“ слышались отъ земцевъ послѣ такихъ заявленій тогдашнихъ русскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., прокламація, изданная именно послѣ убійствъ ген. Мезенцева, въ которой было сказано, что социалисты не имѣли ввиду боротся съ монархіей, а хотѣли только „вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнью“, и вступили въ борьбу съ правительствомъ только потому, что оно само пошло противъ нихъ. — О страшности такой постановки вопроса и о неизбежности для социалистовъ борьбъ противъ всей системы самодержавія и неизбежно за извѣстныя политическія учрежденія, которыя могутъ быть, если не въ республикахъ, то въ конституціонныхъ монархіяхъ, — мы говорили тогда же. (Листокъ Громады, 1878 № 1. Коли битисъ, то не мритисъ).

^{**)} Надо вспомнить, что Черниговское земство было одно изъ самыхъ дѣятельныхъ въ работѣ по народному образованію и поддерживало упорную борьбу съ гр. Дм. Толстымъ за учительскую семинарію, которую министръ сначала всачески не позволялъ открывать, а потомъ хотѣлъ взять ее въ

Тверскій отвѣтъ представляетъ, какъ бы продолженіе черниговскаго, — но превосходитъ его положительностию требованій, превосходя въ тоже время харьковскій адрессъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, онъ всего менѣе извѣстенъ публикѣ въ Россіи. Тверскіе земскіе гласные заявляли, что „политическіе преступленія и убійства... суть только вѣншіе признаки общихъ глубокихъ недуговъ“, указывали на „пренятствія“, какія встрѣчаетъ земство въ своей работѣ о школахъ со стороны министерства нар. просвѣщенія (гр. Дя. Толстого), „на ненормальный строй въ учебныхъ заведеніяхъ“ (среднихъ) откуда массами выходитъ молодежь, недоучившаяся, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на „подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукою, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявлявшіеся въ студенческихъ волненіяхъ. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиваться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но общественными учрежденіями, между которыми наиболее существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать“. Указавъ на начатки реформъ, которыя должны были создать въ Россіи подобныя условія „мирнаго, законнаго развитія народа“ и затѣмъ на административныя стѣсненія ихъ, — тверскіе земцы говорили въ концѣ: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, признавалъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда,

свои руки, что кончилось закрытіемъ ея. Это же земство ходатайствовало о допущеніи укр. языка въ начальное образованіе, противъ запрещенія 1876 г., въ изданіи котораго принималъ дѣятельное участіе опять таки гр. Дя. Толстой. Земства харьковское и полтавское обнаружили тоже украинское самосознаніе: первое въ 1878 г. праздновало юбилей Квитки и взяло на себя изданіе его сочиненій, а второе, немного спустя, назначило суму на исправленіе и охрану могилы Шевченка даже въ чужой губерніи (Кіевской).

«свободу печати *). Земство тверской губернии съѣзды надѣются, что Русскій народъ съ такою полною готовностію, съ такою беззапятною любовью къ своему Царю-Освободителю, несшіи всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которые одиѣ могутъ дать ему возможность выдти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

Какъ ни малочисленны и сдержанны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, — въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ. Несколько мѣсяцевъ спустя и р. социальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чистое политическія требованія, между прочимъ и «постоянное народное представительство» (**). Активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая револ. группа «народовольцевъ», рѣчи ихъ товарищей на процессахъ несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ не смотря на то, что формы этой борьбы,

*) Изъ указаній харьковскаго и тверскаго земства на болгарскую конституцію видно еще разъ, какъ тѣсно связана внутренняя и вѣшняя политика Россіи. — какъ война 1877 — 1878 должна была поднять либеральное движеніе въ Россіи, а въ тоже время указаніе русскихъ либераловъ на Болгарію должно было заставить русск. правительство поддержать противоконституціонныя попытки въ Болгаріи, отчего произошли всѣ дальнѣйшія событія въ этой странѣ, которыя и теперь уже столько стоятъ Россіи.

**) Лицевскій съѣздъ, на которомъ правильно сложились «Исп. Комитетъ» (III-II) и впервые ясно поставлена была политическая программа къ средѣ повѣвшихъ русск. социалистовъ, отбылся 17—21 іюня 1879 г.; 1 № «Нар. Воли» вышелъ 7 окт. 1879. Этому повороту предшествовалъ цѣлый рядъ вооруженныхъ сопротивленій, преимущественно въ Кіевѣ, учрежденіе ген. губернаторствъ и почти осаднаго положенія по всей Россіи, вслѣдствіе покушенія Соловьева, относительно цѣлесообразности котораго существовало раздѣленіе въ средѣ петербургскихъ революціонеровъ-народниковъ, и за тѣмъ рядъ смертныхъ казней въ Петербургѣ и Кіевѣ. Любопытно, что, по показанію біографа Желябова, не только «терроръ», т. е. систематическій отвѣтъ убійствомъ на преслѣдованія правительства, — «гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера», но и принятіе на Лицевскомъ съѣздѣ политической программы, требовавшей учрежденія, при отсутствіи которыхъ никакая дѣятельность не возможна, — было поддерживаемо преимущественно «южанами» (А. П. Желябовъ, 16—23). Обстоятельство это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ это время либеральныя политическія стремленія проявились съ наибольшою силою въ южныхъ же земствахъ и что въ заграничной печати политическая либеральная программа ставилась прямо въ украинскіяхъ публикаціяхъ. Югъ же Россіи былъ ближе и къ театру войны 1876—78 и потому видѣлъ отчетливѣе общее безобразіе господствующей въ Россіи политической системы.

особенно направление ударовъ прямо на царя, не всѣми оправдывалось, а угрозы уцѣлѣвшихъ послѣ 1 Марта 1881 г. членовъ „Исполнительнаго Комитета“ и новому царю убійствомъ же, если онъ не созоветъ народнаго собранія, были, по меньшей мѣрѣ, нетактичны и преждевременны, и въ личномъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и идейная постановка политическаго вопроса „народовольцами“ была часто неудачна. — начиная отъ самаго имени „партіи Народной Воли“ (*voluntas*, а не *libertas*) которое, какъ много другое въ заявленіяхъ партіи, очевидно вышло изъ компромисса новыхъ либеральныхъ стремленій со старымъ народничествомъ. Въ частности письмо „Исполн. Комитета къ Александру III“, замыкавшее первый періодъ въ дѣятельности народовольцевъ и открывавшее второй, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо менѣе удачный, было, по своимъ политическимъ идеямъ, даже шагомъ назадъ, сравнительно съ тѣмъ, до чего уже было додумалось „террористы“ въ 1879 г. — такъ какъ въ письмѣ этомъ такія основныя права человека и гражданина, какъ свобода печати, слова, сходакъ, требовались только „въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія Народнаго Собранія“, а о гарантіяхъ неприкосновенности личности безъ суда ни слова не говорилось и даже давалось за всю партію обѣщаніе „безусловно подчиниться рѣшенію Народнаго Собранія“ *). По при тогдашнемъ настроеніи почти всего образованнаго слоя въ Россіи противъ самодержавія, на всѣ такіе недостатки постановки вопроса о политической

*) Что до гарантій личной неприкосновенности, то о нихъ не говорилось даже въ «Программѣ Исполн. Комитета», что тѣмъ болѣе странно, такъ какъ и вооруженнаго сопротивленія (наиболѣе героическія дѣянія русск. социал. революціонеровъ) и весь «терроризмъ» возникъ на этой почвѣ, и на Липецкомъ съѣздѣ объ этомъ говорилъ Желябовъ (см. біографич. брошюру о немъ, 23). По разсказу г. Тихомирова (*La Russie Politique et Sociale*, I изд. 281) одинъ изъ первыхъ важныхъ террористовъ, Пивичевичъ, — смертельно раненный при вооруж. сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февр. 1879 г., — говорилъ ему въ 1878 г. «мы будемъ наказывать правительство за всякое его злодѣйство: мы будемъ его терроризировать и заставимъ его признать права человека». — Чѣмъ объяснить эти пропуски и отклоненія въ Программѣ и Письмѣ П. К.? Забычивостью ли, или компромиссомъ съ народничествомъ и якобинствомъ («захватъ власти»), которое всегда проявлялось въ журналѣ «Нар. Воля», а послѣ 1-го Марта 1881 г. и гибели болѣе либеральныхъ членовъ кружка взяло въ немъ верхъ?

свободѣ у народovolьцевъ мало кто обращалъ вниманіе: каждый, вслѣдъ за многими изъ самихъ революціонеровъ, истолковывалъ и дополнялъ заявленія народovolьцевъ по своему, въ болѣе или менѣе либеральномъ смыслѣ, — и «Письмо Сен. Ком. — Н. В.» къ Александру III читалось на-расхватъ въ разныхъ слояхъ общества.

Таково было въ 1879—1881 гг. настроеніе значительной части русской «интеллигенціи», — хотя въ литературѣ (запрещенной и легальной) извѣстныя фракціи «народниковъ» все еще считали умѣстнымъ ворчать противъ «либерализма», какъ дѣла «буржуазнаго и дворянскаго», и бросать палки въ колеса освободительнаго движенія, думая, что онѣ тѣмъ служатъ «народнымъ» интересамъ. Что до сословныхъ и земскихъ собраній, то здѣсь, конечно, противуправительственное настроеніе было болѣе сдержанно, но и здѣсь, въ 1880—1881 гг. количество заявленій о сомыѣ общаго представительства страны, а также о необходимости свободы печати и обезпеченія личной неприкосновенности, — правѣ, совсѣмъ уже безцеремонно поправившихся правительствомъ, подъ предлогомъ борьбы съ социалистами-революціонерами, значительно увеличилось*).

Но ростъ политическаго земскаго сознанія за предшлѣдшіе годы всего характернѣе выразился въ отвѣтахъ, какія вышли отъ земскихъ собраній на предложеніе правительства отъ 20 Декабря 1880 г. высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учреждений подобно тому, какъ въ 1870 году земства призывались подать мнѣнія о подушной подати. Въ отвѣтахъ своихъ земства представили цѣлую систему преобразованія не только частно-крестьянскихъ учреждений, но всей системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проекта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ**).

* Важнѣйшія данныя сведены въ берлинской брошюрѣ 1883 г. — «Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи»; здѣсь упомянуты четырнадцать заявленій изъ этого времени, — и конечно, не всѣ. Интересно, что хотя нѣкоторые изъ этихъ заявленій говорятъ и объ «вырваніи съ корнемъ крамолы», то другіе говорятъ объ умиротвореніи общества посредствомъ свободы.

** См. въ «Вольн. Словѣ»: Земскіе проекты въ № 52 и 53 и Земская

рядомъ съ стремленіемъ къ административно-политическому самоуправленію изъ земствъ выходили и проекты экономическихъ мѣръ въ пользу крестьянства.

Правительство опять, какъ въ 1862—63 гг., поставлено было въ необходимость, сдѣлать уступки общественному движенію: цензура была ослаблена и образована коммиссія, которая должна была выработать проектъ закона о подчиненіи печати только суду: ненавистный молодежи, печати и земствамъ министръ нар. пр. гр. Дж. Толстой былъ удаленъ; наконецъ, въ Февралѣ 1881 г. сталъ готовиться (при участіи и наследника) проектъ подобія земскаго собора, въ видѣ созыва представителей отъ земствъ и большихъ городовъ для подачи совѣщательнаго голоса по дѣламъ, которыя предложить имъ правительство*). Отсюда нельзя объяснить эти уступки только личнымъ характеромъ Александра II и гр. Лорисъ-Меликова, хотя, конечно, нельзя вовсе и отрицать доли значенія личностей въ такихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Кошелева (стр. 218) видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ ему сочувствіе его брошюрѣ „Наше положеніе“. Но на него несомнѣнно должно было подѣйствовать пребываніе въ 1879 г. генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ, въ краѣ, три губ. земства котораго подали извѣстныя заявленія. Гр. Лорисъ Меликовъ, человекъ, сравнительно съ нашими обыкновенными „помпадурками“ просвѣщенный и наблюдательный, вдобавокъ, какъ провинціалъ, но былъ одиозенъ узостію взглядовъ и своекорыстіемъ петербургской сановитой бюрократіи и потому долженъ былъ понять, что дальше противиться общественному со-

хроника: Административно-политические вопросы (между прочимъ и о созданіи новой земской единицы, области) въ №№ 60—62.

* Такъ опредѣляетъ составъ и задачу этого собранія г. Anatole Leroy Beauclieu, *L'Empire des Tsars et les Russes*, II, 588 и слѣд. — «со словъ одного министра того времени». Ср. показанія кн. Юрьевской, нѣсколько спутанныя, въ книгѣ г. V. Laferte, *Alexandre II. Details inédits sur sa vie intime et sa mort*, 1882, 24—25 и слова Кошелева дальше. По разсказу пр. W. Muller *Politische Geschichte der Gegenwart*, XV, 208) рескриптъ Александра II на имя гр. Л. М. былъ подписанъ 25 февр. (ст. ст.) и говорилъ объ усиліи государственнаго совѣта уподобоченными отъ дворянскихъ собраній, земствъ и городовъ. Нѣкоторые («В. Слово», 1882, № 41) утверждаютъ, что подобный проектъ былъ представленъ еще въ концѣ 1879 г. В. кн. Константиномъ Илѣ и гр. Валуйскимъ, но тогда былъ призванъ несвоевременнымъ.

знанію было, если еще не непосредственно опасно, то очень неблагоприятно и для монархій*).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ коснуться довольно распространенаго за границей и въ Россіи мнѣнія о томъ, что не случись убіеніе Александра II, политика гр. Л. Мелікова довела бы Россію до политической свободы. Не знаемъ, каковы собственно были намѣренія самаго гр. Л. Мелікова. На этотъ счетъ въ запискахъ Кошелева сказано только слѣдующее: „Отъ него (гр. Л. М.) узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что мин. внутр. дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учреждений“ (стр. 253). Изъ этихъ строкъ, равно какъ изъ известнаго разговора гр. Л. Мелікова съ петербургскими редакторами, въ которомъ онъ показывалъ перспективу пятилѣтняго срока для однихъ второстепенныхъ перемѣнъ, — видно, что онъ рассчитывалъ тянуть дѣло долго, между тѣмъ какъ положеніе дѣла, — самая, если хотите, пер-

*) Учрежденіе поста покушенія Соловьева чистымъ сатрапѣмъ, въ видѣ вр. генер. губернаторствъ (5 апр. 1879) съ нѣкѣторными мѣрами, съ казнями, которыя иногда даже трудно было жотировать (какъ, напр., нѣкоторыя Чертковскія казни въ Кіевѣ), и массовыми ссылками въ Новоросію, въ которыхъ потомъ, говорятъ, самъ гр. Тотлебенъ казался сваливая вину на г. Паньтина, — все это подняло общественное сочувствіе къ револ. террористамъ и къ самому царубійству, даже у людей, всего менѣе полюбившихъ на нигилистовъ, даже у таинствъ, которые рѣшительно не одобряли покушенія Соловьева. Мы могли бы сообщить нѣсколько характерныхъ случаевъ въ подтвержденіе этого показанія. Несчастный Александръ II самъ осуждалъ себя на смерть, не понявъ урока, даннаго ему присяжными, оправдавшими г-жу В. Засуличъ; отождествивъ самъ себя съ Треповымъ, Мезенцевымъ, и потомъ воплотившись въ Чертковыхъ и т. п., — онъ сталъ ненавистенъ социалистамъ и по меньшей мѣрѣ противенъ значительной части русскаго общества ко времени взрывовъ на Моск. курск. ж. дорогѣ 19 ноября 1879 г. и въ Зимнемъ дворцѣ (5 февр. 1880 г.). Это довольно широко распространенное въ обществѣ сочувствіе къ царубійству въ к. 1879 и началѣ 1880 гг. поддерживалось и слухами о снисканіяхъ наследника къ земскому представительству, хоть на Аксаковскій ладъ.

возность тогдашняго настроенія, (а для этой невозности было не мало причинъ внутреннихъ и вѣшнихъ, начиная съ 1876 года)—все требовало скорыхъ рѣшеній. Въ другое время, при болѣе нормальномъ ходѣ дѣлъ, при государѣ гвердомъ, можно и даже, можетъ быть, должно бы было готовить страну къ земской думѣ посредствомъ „оживленія и утвержденія“ провинціальныхъ земствъ, или лучше очищенія ихъ отъ порчи, которую внесъ въ нихъ гнетъ самаго правительства. — но и въ такомъ случаѣ надо было прежде всего избавить земства отъ всѣхъ путъ, наложенныхъ на нихъ съ 1866 г. А гр. Л. М. не сдѣлалъ и этого. Далѣе, при данныхъ условіяхъ, — при характерѣ Александрѣ II и петербургскаго бюрократическаго сановничества (тогъ и другое себя показали еще во время реформъ въ 60-ые годы) даже въ случаѣ созыва совѣщательной коммисіи, надо было ожидать колебаній и реакцій со стороны правительства и путаницы, во всякомъ случаѣ большей, чѣмъ какаѣ бы была послѣ торжественнаго созванія земской думы. Очевидно, гр. Л. М. не хотѣлъ или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на царя въ пользу этой думы, конечно, и потому, что „общество“ и „земство“ сами не достаточно давили на правительство. Въ тоже время гр. Л. М. оказался плохимъ психологомъ и въ другомъ направленіи: въ сторону революціонеровъ, не понявъ, что именно гоненія противъ личностей ихъ и ихъ товарищей и ожесточили ихъ до систематическихъ усилій въ царубійству. вмѣсто того, чтобы смягчить положеніе политическихъ арестантовъ, если уже нельзя было дать полной амнистіи, гр. Л. М. еще усилилъ гнетъ надъ пол. каторжниками, въ противность даже представленіямъ начальника нар. Карѣ, г. Кононовича, который и долженъ былъ выйти въ отставку. Даже административную ссылку гр. Л. М. не только не отменилъ, но даже не ограничилъ, такъ какъ возвративъ нѣсколько десятковъ сосланныхъ прежде, онъ выслалъ еще болѣе новыхъ. Въ довершеніе, гр. Л. М. не прекратилъ и смертныхъ казней и допустилъ даже такіа ни чѣмъ не мотивированная казни, какъ Розовскаго и Лозинскаго въ Кіевѣ. (О нихъ см. въ „Громадѣ“, V. T. 87—88, 93). Быть можетъ, гр. Л. М. думала, показывая, что онъ „не щадитъ крайности“, тѣмъ легче склонить монарха къ уступкамъ „благоразумному элементу“

общества. Может быть, и это было также тонко, как и медленные подходы къ земской думѣ. Но,—гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать также о политикѣ гр. Л. М., какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества и земства. Последнее сдѣлало достаточно, чтобы поставить вопросъ о свободѣ, но мало, чтобы дать ему безповоротное разрѣшеніе — при всякихъ случайностяхъ. Крупнѣйшія же изъ этихъ случайностей, а именно, возможность убіенія Александра II (или во всякомъ случаѣ новой къ тому попыткѣ) а за тѣмъ неизбежность придворной реакціи, должны были быть предвидѣны людьми, которые желали быть серьезными политическими дѣятелями*)

Во всякомъ случаѣ даже послѣ смерти Александра II и паденія гр. Л. Меликова новое правительство не поспѣло сразу пойти противъ общественнаго движенія, все-таки довольно широкаго. Даже отложивъ въ сторону проектъ о совѣщательной комиссіи, о которомъ однакожъ оно сначала допускало толки и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ,

*) Со сказаннымъ выше ср. то, что мы говорили тотчасъ послѣ воззванія гр. Л. М. къ обществу (14 февр. 1880 въ брошюрѣ «Соловья баснями не кормятъ» и скоро за тѣмъ въ другой «Терроризмъ и свобода, муравьи и корова», гдѣ мы, критикуя излози тѣхъ «террористовъ», которые думали добиться въ Россіи свободы безъ широкаго общественнаго движенія (Морозовъ «Террористическая борьба» въ тоже время отвѣчали на странную статью «Голосъ», — словно писанную по порученію гр. Л. М., — въ которой «Голосъ» обращался къ намъ лично, чтобы мы уговорили террористовъ не мѣшать муравьиной работѣ гр. Л. М. и его поклонниковъ. Интересно, что въ то же самое время и на совѣтѣ противоположномъ намъ концѣ общества скептическое отношеніе къ политикѣ гр. Л. М. выразилось въ приложеніи къ нему (говорятъ гр. П. Шуваловымъ, б. шефомъ III-го отдѣленія восточной бани о деревнѣ, который вѣздя выучить царскаго осла читать, но только въ 10 лѣтній срокъ, рассчитывая, что до тѣхъ поръ или царь, или онъ, или оселъ помретъ. Изъ сопоставленія показанія кн. Юрьевской и г. Ан. Леруа Болье входить, будто указъ о совѣщательной комиссіи былъ подписанъ Александромъ II 1-го Марта 1881 г. и былъ обнародованъ гр. Л. М. съ тѣмъ, чтобы появиться въ печати на другой день, и будто, прибывъ послѣ убіенія Александра II-го въ 3. дворецъ, гр. Л. М. спросилъ Александра III, который принималъ участіе въ выработкѣ этого указа, — что дѣлать съ этимъ указомъ? — на что получилъ отвѣтъ: — не имѣвай ни въ чемъ приказанія моего отца: пусть это будетъ его завѣщаніемъ. Если это правда, то почему же гр. Л. М. не поспѣшилъ обнародовать уже набранный указъ, какъ это сдѣлать въ свое время Лавской съ рескриптами, отъ которыхъ безповоротно началось тѣло освобожденія крестьянъ?

оно все-таки предложило обществу земскихъ свидущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свидущіе люди“ будутъ созываться и впредь*, для того чтобы самыя жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ**. Не смотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свидущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ, — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія земскія собранія высказались, „что только вызовъ свидущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новг. земство) можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпяція отлагательства реформы“. Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губ. земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, псковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и калужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разсѣялось. Если къ этимъ 12 земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которыхъ по другимъ поводамъ состоялись подобныя постановленія, а также таврическое, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, при чемъ ораторъ противъ него (г. Щербань) находилъ его только несвоевременнымъ и безтакимъ тотчасъ послѣ 1 Марта 1881 г. и просилъ оказывать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный“, — то получимъ семьнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которыя опредѣленно высказались за земскій соборъ**).

* Передъ тѣмъ полт. предводитель двор. г. Устиговичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призоветъ представителей страны къ участию въ законодательной работѣ.

** Изъ неземскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворяствѣ и бюргерствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ, — не говоря уже о Ц. Польскомъ, — въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило

Къ земскимъ заявленіямъ слѣдуетъ прибавить заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (петерб. и черниг.) и городскихъ думъ (череповецк., казанск.), а также рѣчь московскаго городского головы г. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году *).

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало, для того чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хотеть, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство испробовало послѣднее средство. Уже и прежде, подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой“, правительствомъ, распоряженіями 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило въ выборы земскіе и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволь губернаторовъ, т. е. собственно полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы“ гр. Дм. Толстой задумалъ уничтожить всесословное земство своимъ проектомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ, предстоить окончательное обсужденіе этого революціоннаго проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проектъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать *tabula rasa* по всемъ земскимъ губерніямъ со всемъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати

поддержки, даже нравственной. Этихъ нерусскихъ элементовъ западной полусы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время социальныи и національный антагонизмъ, какой существуетъ въ этой полусѣ между высшими и плебейскимъ классами, тянетъ послѣдніе къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между нихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства Россіи, но съ гарантіями для національностей и областнаго самоуправленія, — тогда борьба съ петерб. самодержавіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

* Справительная малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 г., которое почти совершенно устранило отъ участія въ муниципальныхъ дѣлахъ наиболее образованную часть населенія — квартирантовъ.

дѣтъ и кромѣ того отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляеть.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 гг. правительство людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей :

1) Устраненіе всѣхъ некажений земскаго положенія, слѣданныхъ послѣ 1865 г.

2) Сознаніе делегаций отъ существующихъ земскихъ собраний, по крайней мѣрѣ, губернскихъ, для выработки проектовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проектовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3) Распространеніе земскихъ учреждений на западную половину Имперіи *).

Рядомъ съ этимъ должно бы идти :

4) Огражденіе закономъ наиболее насущныхъ личныхъ правъ — какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого, сходокъ) — и наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предыдущаго:

5) Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населенія Россіи были бы частію удовлетворены, — частію получили бы себѣ законныя нуты для своихъ выраженій, — и внутреннее

*) При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Зап. губерніи. — такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію «предоставляемъ, въ дѣлѣ, по сношенію съ мѣстными ген. губ. въ Запади губерніи, войти въ соображеніе о времени и способѣ введенія Пол. о земск. учрежденіяхъ въ губерніяхъ этихъ. Что до Царства Польскаго, то здѣсь дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ приостановлено лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польск. возстанія прошло уже 25 лѣтъ, — и тепрь нѣтъ ровно никакого резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней, изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанию, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—63 гг. а также въ 1879—83 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о приобретеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 гг. съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ отчетливости и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь неходитъ отъ собраній всеословныхъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организаціи силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой внушительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ напр., послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половинною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между сосѣдними губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣсколько опытовъ сговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организаціи и очень много вялости и распушенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ те-

перь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наиболѣе заслуживаетъ вниманія изъ этихъ свѣдѣній тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ Century (1887 г., Nov.) и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общез. Дѣлѣ“ подъ заглавіемъ „Последнее заявленіе русскихъ либераловъ“. Мы встречаемъ здѣсь „Записку, поданную въ Мартѣ 1880 г. гр. Лорисъ Меликову 25-ю именитыхъ московскихъ гражданъ. — въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностію писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???) — и въ предисловіи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленіяхъ земскихъ собраній 1879 и о сношеніяхъ земскихъ либераловъ — „Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила инициатива этихъ заявленій, — съ террористами, съ цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратити правительство на путь реформъ.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неполноты и неточности, и вся хронологія событій у него смутана. — Исполнѣ вѣрно здѣсь только то, что съ социальными революціонерами, между которыми только что появились „террористы“, были въ 1878 г. въ Кіевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ, съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. К., — но только еще до убійства шефа жанд. Мезенцева (4 августа) и тотчасъ послѣ покушенія въ Кіевѣ на товар. прокур. Котляревскаго (23 Февраля) и убійства жандармскаго офицера б. Гейкинга (25 Мая). — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ явились прокламаціи, подписанныя „Исполн. Комитетомъ Р. С. Р. партіи“, который принималъ на себя эти дѣйствія. (Передъ тѣмъ покушеніе на об. полицію. Тренова 24 Янв. 1878 г. представлялось, какъ дѣйствіе индивидуальное: процессъ г-жи В. Засулчъ былъ 31 март. 1878 г.) Уговаривая „террористовъ“ отказаться отъ ихъ способа дѣйствій или хотя пріостановити ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленіе правительству: сначала 1) о восстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 года 2) объ устраниніи административной ссылки и спе-

ціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ*), — и затѣмъ, каковы бы ни были отвѣты правительства — 3) о созваніи общаго земскаго представительства. Кіевскіе соц. революціонеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе, — и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные“ элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія — въ томъ числѣ и нѣсколько человекъ украинскаго направленія. Образовавшийся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ irony, какъ это часто бываетъ, — Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“, или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда графъ Пнатьевъ въ началѣ 1882 г. основалъ комиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ“, то указалъ ей кромѣ «Земской Лиги или З. Союза» съ его органомъ «Вольное Слово» еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто-бы, при помощи Земской Лиги, думала заводить «интеллигентныя» земледѣльческія колоніи по идеямъ пр. Энгельгардта. (Пятое общество было „Черный Передѣлъ“). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану“, которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ «Вольномъ Словѣ» № 41, „Дѣятельность «Свѣц. Дружины» и программа «Добров. Охраны»), и даже «Священную Дружину» или «Друж. Спасенія», добровольныхъ жандармовъ и шпионовъ, возникшую при градоп. Барановѣ, члены

*) Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи, предполагалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовного судопроизводства по Суд. Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя полит. преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присудствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 г., а также отмена совершенно противнаго духу Суд. Уставовъ 1864 г. «правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій» 1871 г.

которой замыслили даже дуэли и контр-аттентаты против воображаемых или заграничных распорядителей парубийством*). Лица разных категорій находили интересъ поддерживать это сѣщеніе понятій и посредствомъ печати**).

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кievскомъ опытѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которыя, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ что если правительство удовлетворитъ ихъ, то «партія откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе». (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представленъ былъ харьков-

*) Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ан. Леруа Болѣе (Указ, сочи. II, 162).

**) См. «Общее Дѣло» и «Le Révolté» 1881—1882 гг., «Календарь Народной Воли» на 1883 г. и др., а также «Правду» (террористическiй-анархическiй органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 1882—1883 гг., агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла, между прочимъ, «Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 июня 1882 г.» напечатанная въ 1883 году въ «Общемъ Дѣлѣ» № 51. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской газетѣ «Nowa Reforma»). Въ запискѣ этой говорится о кievскихъ либер. начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ по ит. подсудимыхъ, а кромѣ того, частію невольню, по невѣдѣнію, стоить своему русскому полиціи, а частію съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кievское украинство, женевская «Громила», «Земскій Союзъ» съ «Вольнымъ Словомъ», «Добровольная Охрана» и «Крамоль», представляемая Теломъ-овымъ и Тигромъ г. Левъ Тихомировъ) Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, сѣщеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще по время критически разбирать подобныя документы; обнародованіе же ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ—судейкинскимъ. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русскою эмиграцію упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаруживали гораздо больше ловкости для развѣдыванія оппозиционныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

скимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣнкомъ.

Не смѣемъ рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русск. с. революціонеровъ, — но его нѣтъ резона обобщать, тѣмъ болѣе что нигдѣ въ Россіи никакой приостановки политич. убійствъ не воспослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣнкомъ (членомъ Либеральнаго комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызывать симпатій у р. с. революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочныя данныя о р. либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было; не могли тогда ни въ какомъ случаѣ установиться между ними и какія бы то ни было соглашенія, но различіе, какъ мы знаемъ, такъ и всего habits'a обѣихъ сторонъ*)

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя отношенія съ

*) По показанію г. Кеннана условія, изложенныя «террористами» «Либеральному Комитету» были: 1) устранить существующія стѣсненія слова и печати, 2) гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоответственных(?) поступковъ исполнительныхъ властей и 3) признать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участию въ управленіи. По всемъ же другимъ свидѣніямъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ социалистамъ 70-хъ годовъ, съ томъ числѣмъ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносильнъ «конституціи». По словамъ биографа Желязова (стр. 16), южные террористы въ 1876 году на замѣчанія: «Вы признаете значить и необходимость политической свободы?» — отпарились: «намъ не нужно конституція, намъ не нужны ихъ законы. — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой» (конечно, социалистической агитаціи!). Петербургская прокламация по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутого выше изложенія взгляда социалистовъ на буржуазію и правительство, — ставитъ послѣднему такія требованія. 1) свобода слова и печати, 2) судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3) амнистія за прежнія политическія преступленія, — но ни слова не говоритъ о «призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участию въ управленіи» (Tikhomirof. La Russie politique et Sociale, 1 изд., 440). Сколько намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ «конституціи» появилось только къ концу 1878 г. у некоторыхъ кіевскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., у Ушинскаго, но считалось ихъ товарищами за мѣтне, вполнѣ среднечское.

оно все-таки предложило обществу земскихъ свидущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свидущіе люди“ будутъ созываться и впредь“, для того чтобы самыя жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ“ *). Не смотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свидущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ, — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія земскія собранія высказались, „что только вызовъ свидущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новг. земство) можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпяція отлагательства реформы“. Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губ. земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, исковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и калужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разѣхалось. Если къ этимъ 13 земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которыхъ по другимъ поводамъ состоялись подобныя постановленія, а также тавричское, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, при чемъ ораторъ противъ него (г. Щербань) находилъ его только несвоевременнымъ и безтакнымъ тотчасъ послѣ 1 Марта 1881 г. и просилъ оказать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный“, — то получимъ семьнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которая опредѣленно высказались за земскій соборъ **).

*) Передъ тѣмъ полт. предводитель дворянства, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. дворянскомъ собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призоветъ представителей страны къ участию въ законодательной работѣ.

**) Изъ неземскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворянствѣ и бюргерствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ, — не говоря уже о Ц. Польскомъ, — въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило

Къ земскимъ заявленіямъ слѣдуетъ прибавить заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (петерб. и черниг.) и городскихъ думъ (череновецк., казанск.), а также рѣчь московскаго городского головы г. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году *).

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало, для того чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хотѣло, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство непробовало послѣднее средство. Уже и прежде, подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой“, правительствомъ, распоряженіями 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило всѣ выборы земскіе и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволь губернаторовъ, т. е. собственною полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы“ гр. Дм. Толстой задумалъ уничтожить всесословное земство своимъ проектомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ, предстоить окончательное обсужденіе этого революціоннаго проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проектъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать *tabula rasa* по всемъ земскимъ губерніямъ со всѣмъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати

поддержки, даже нравственной, этихъ перусскихъ элементовъ западной полусы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время социальныя и національныя антагонизмы, какой существуетъ въ этой полусѣ между высшими и плебейскими классами, тянетъ послѣдніе къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между ихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства Россіи, но съ гарантіями для національностей и областного самоуправленія, — тогда борьба съ петерб. самодержавіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

* Сравниваемая малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 г., которое почти совершенно устранило отъ участія въ муниципальныхъ дѣлахъ наиболее образованную часть населенія — квартирантовъ.

дѣтъ и кромѣ того отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 гг. правительство людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей :

1) Устраненіе всѣхъ наказаній земскаго положенія, сдѣланныхъ послѣ 1865 г.

2) Созывъ делегаций отъ существующихъ земскихъ собраний, по крайней мѣрѣ, губернскихъ, для выработки проектовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проектовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3) Распространеніе земскихъ учрежденій на западную половину Имперіи *).

Рядомъ съ этимъ должно бы идти :

4) Огражденіе закономъ наиболее насущныхъ личныхъ правъ — какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого, сходокъ) — и наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предыдущаго :

5) Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населеній Россіи были бы частію удовлетворены. — частію получили бы себѣ законные пути для своихъ выраженій, — и внутреннее

*) При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Зап. губернии. — такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію «предоставляемъ, въ дѣлѣ, по сношенію съ мѣстными ген. губ. въ Запади губери, войти въ соображеніе о времени и способахъ введенія Пол. о земск. учрежденіяхъ въ губерніяхъ этихъ. Что до Царства Польскаго, то зѣлъ дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ приостаиваемо лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польск. возстанія прошло уже 25 лѣтъ, — и тепрь нѣтъ равно никакаго резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней, изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанию, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—63 гг. а также въ 1879—83 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о приобретеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 гг. съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ ответственности и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь неходитъ отъ собраній бессловныхъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организациі силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой внушительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ напр., послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половиною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между сосѣдними губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣсколько опытовъ стоговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организациі и очень много вялости и распущенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ те-

перь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наиболье заслуживаетъ вниманія изъ этихъ свѣдѣнй тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ Century (1887 г., Nov.) и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общемъ Дѣлѣ“ подъ заглавiемъ „Послѣднее заявленiе русскихъ либераловъ“. Мы встрѣчаемъ здѣсь „Записку, поданную въ Мартѣ 1880 г. гр. Лорисъ Меликову 25-ю именитыхъ московскихъ гражданъ, — въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностiю писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???) — и въ предисловiи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленiяхъ земскихъ собранiй 1879 и о сношенiяхъ земскихъ либераловъ — „Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила инициатива этихъ заявленiй, — съ террористами, съ цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратитъ правительство на путь реформъ.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неполноты и неточности, и вся хронологiя событiй у него смутана. — Исполнѣ вѣрно здѣсь только то, что съ социальными революционерами, между которыми только что появились „террористы“, были въ 1878 г. въ Кiевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ, съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. К., — но только еще до убiйства шефа жанд. Мезенцева (4 августа) и тотчасъ послѣ покушенiя въ Кiевѣ на товара. прокур. Котляревского (23 Февраля) и убiйства жандармскаго офицера б. Гейкинга (25 Мая). — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ явились прокламацiи, подписанныя „Неполн. Комитетомъ Р. С. Р. партiи“, который принималъ на себя эти дѣйствiя. (Передъ тѣмъ покушенiе на об. полицiям. Тренова 24 Янв. 1878 г. представлялось, какъ дѣйствiе индивидуальное: процессъ г-жи В. Засуличъ былъ 31 март. 1878 г.) Уговаривая „террористовъ“ отказать отъ ихъ способа дѣйствiй или хотя приостановитъ ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленiе правительству: сначала 1) о восстановленiи земскаго положенiя и правилъ о печати 1865 года 2) объ устраниенiи административной ссѣлки и спе-

ціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ*), — и затѣмъ, каковъ бы ни былъ отвѣтъ правительства — 3) о созваніи общаго земскаго представительства. Киевскіе соц. революціонеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе, — и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные“ элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія — въ томъ числѣ и нѣсколько человекъ украинскаго направленія. Образовавшійся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, — Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“, или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда графъ Пнгателевъ въ началѣ 1882 г. основалъ комиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ“, то указалъ ей кромѣ «Земской Лиги или З. Союза» съ его органомъ «Вольное Слово» еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто-бы, при помощи Земской Лиги, думала заводить «интеллигентныя» земледѣльческія колоніи по идеямъ пр. Энгельгардта. (Пятое общество было „Черный Передѣлъ“). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану“, которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ «Вольномъ Словѣ» № 41, „Дѣятельность «Свѣцъ, Дружинъ» и программа «Добров. Охраны»), и даже «Священную Дружину» или «Друж. Спасенія», добровольныхъ жандармовъ и шпионовъ, возникшую при градон. Барановѣ, члены

*) Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи, предпологалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовнаго судопроизводства по Суд. Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя полит. преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присутствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 г., а также отъясна совершенно противнымъ духу Суд. Уставовъ 1864 г. «правиль» о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій 1871 г.

которой замыслили даже дуэли и контр-аттентаты против воображаемых или заграничных распорядителей царевбийством*). Лица разных категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати**).

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кievскомъ опытѣ. Мы по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которыя, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ, что если правительство удовлетворитъ ихъ, то „партия откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе“. (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представленъ былъ харьков-

*) Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ан. Леруа Болѣ (Указ, сочи. II, 162).

**) См. «Общее Дѣло» и «Le Révolté» 1881—1882 гг., «Календарь Народной Воли» на 1883 г. и др., а также «Правду» (террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 1882—1883 гг. агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Пнгатевѣ вышла, между прочимъ, «Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 июня 1882 г.» напечатанная въ 1883 году въ «Общемъ Дѣлѣ» X 54. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской газетѣ «Nowa Reforma»). Въ запискѣ этой говорится о кievскихъ либер. начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ по ит. подсеудимыхъ, а кромѣ того, частію невольна, но невѣдливо, стою свойственному русской полиціи, а частію съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кievское украинфильство, женевская «Громада», «Земскій Союзъ» съ «Вольнымъ Словомъ», «Добровольная Охрана» и «Крамора», представляемая Телавовымъ и Тигромъ г. Левъ Тихомировъ) Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не появившей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще во время критически разбирать подобныя документы; обнародованіе же ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ—судейкинскимъ. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаруживали гораздо больше ловкости для развѣдыванія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

скимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣнкомъ.

Не съѣзду рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русск. с. революціонеровъ. — но его нѣтъ резона обобщать, тѣмъ болѣе что нигдѣ въ Россіи никакой пріостановки политич. убійствъ не воспослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣнкомъ (членомъ Либеральнаго комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызвать симпатій у р. с. революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочныя данныя о р. либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было; не могли тогда ни въ какомъ случаѣ установиться между ними и какія бы то ни было соглашенія, по различію, какъ мнѣній, такъ и всего характера обѣихъ сторонъ.*)

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя отношенія съ

*) По показанію г. Кеннана условія, изложенныя «террористамъ» «Либеральному Комитету» были: 1) «устранить существующія стѣсненія слова и печати, 2) гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоответственных(?) поступковъ неполнотельныхъ властей и 3) призвать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участію въ управленіи. Но возьмъ же другимъ свидѣніемъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ социалистамъ 70-хъ годовъ, съ томъ числѣмъ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносильнъ «конституціи». По словамъ биографа Желябова (стр. 16), южные террористы въ 1876 году на замѣчанія: «Вы признаете значеніе и необходимость политической свободы?» — отпарились: «намъ не нужно конституція, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой» (конечно, социалистической агітаціи!). Петербургская прокламація по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутого выше изложенія взгляда социалстовъ на буржуазію и правительство, — ставитъ послѣднему такія требованія. 1) свобода слова и печати, 2) судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3) амнистія за прежнія политическія преступленія, — но ни слова не говоритъ о «призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участію въ управленіи» (Tikhomirof. La Russie politique et Sociale, 1 изд., 440). Сколько намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ «конституціи» появилось только къ концу 1878 г. у некоторыхъ кіевскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., у Ошиневаго, но считалось нѣтъ товарищами за мѣшкѣ, вполнѣ еретическое.

революціонерами, а также как шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ социалистами-террористами, кievская Лига рѣшилась все-таки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній для достиженія указанныхъ выше цѣлей, а также оказывать помощь опубликованію разныхъ недовольствъ существующимъ полит. порядкомъ и для этого отравила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галицію. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кievскаго университета въ 1878 г.“ (тогда было выключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, при чемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры: „Русская молодежь, правительство и общество: съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета (противъ избиенія студентовъ казаками) и доклада совѣта с. петерб. университета“ (объ отношеніяхъ полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Ближайшія задачи земства; съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губ. земскаго собранія на правительственное обращеніе“ и проч. — не увидѣли свѣта, потому что галицкая (австрійско-польская) администрація, которая тогда только что начала борьбу у себя съ украинскимъ и польскимъ социалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали, ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе ненепредвидимое и ненеобходимое препятствіе.*) Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 г. въ 56 №-рѣ „Вольнаго Слова“; когда (только!) намъ былъ доставленъ единственный спасенный ея экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“).

*) Мысль печатанія либеральныхъ публикацій для Россіи въ Галиціи — очень счастливая, но въ то время тамъ еще не сложились дальновидныя и достаточно вліятельныя группы украинскія и польскія, которые помогли бы такому дѣлу, прямо полезному для нихъ соотечественниковъ въ Россіи. Теперь едва начинаютъ онѣ складываться.

Самыя замѣчательныя мѣста въ этой статьѣ: критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земства на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., — авторъ говоритъ: „Мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія**“).

Послѣ неудачнаго опыта кievской Лиги въ Львовѣ, только въ августѣ 1881 года „Земскій советъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“ въ Женевѣ. Первоначальная редакція этой газеты стояла на пути кievской Лиги, а именно рядомъ съ пропагандой идеи земскаго самоуправленія, она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго, т. е. собственно принципіальнаго терроризма, такъ какъ „Вольное Слово“ смотрѣло на политическія убійства (не совсѣмъ точно называвшіяся терроризмомъ, такъ какъ терроръ французскихъ якобинцевъ былъ системою извѣстнаго правительства, а не заговорщиковъ), какъ на естественное послѣдствіе извѣстной правительственной системы и признакъ общественнаго раздраженія противъ нея**), но не какъ на целесообразный способъ политической борьбы. Въ 1882 г. обострился еще одинъ мотивъ къ раздѣленію между „Вольнымъ Словомъ“ и р. революціонными кружками, такъ какъ въ это время въ „Народной Воли“ окончательно воспреобладало направленіе „якобинское“ — централистическое и даже диктаторіальное (см. „Нар. Воля“, № 8—9 и нашу статью „Нар. Воля о централизаціи рев.

*) Этотъ терминъ «Учредительное Собраніе», — болѣе абстрактно радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу «Народной Воли». Авторъ статьи «Ближайшія задачи земства» самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ собраніи, предлагая земству «отвергнуть всякую конституцію, данную сверху» — какъ «конституціонную комедію.»

***) Ср. выше слова Тверскаго земства.

борьбы въ Россіи“ въ „Вольн. Сл.“ № 37—38) которое рѣшительно пошло въ разрѣзъ съ земскими стремленіями къ самоуправленію *). Изъ другихъ направленій въ русскомъ

*) Каковы были политическія идеи у разныхъ лицъ и въ кружкахъ, группировавшихся около «Нар. Ком. Воли» остается в до сихъ поръ недостаточно выясненными. О существованіи различій между федералистами и централистами въ самомъ Нар. Ком. до 1 го Марта 1881 г. есть указаніе въ письмѣ къ намъ Желябова («Вольное Слово» № 39), а въ книгѣ г. Тихомирова (La Russie Politique et Sociale, I изд., 281, 440) есть намеки на коренныя различія между «террористами» и якобинцами, которыхъ г. Т. однихъ называетъ собственно «народовольцами.» Необходимо замѣтить, что съ якобинствомъ, который въ комбинаціи съ социализмомъ проповѣдывался въ 60-е годы въ «Мол. Россіи», въ 70-е гг. въ «Набатѣ» и послѣ 1 Марта 1881 г. воспріобладать въ «Нар. Воли» (по 1883 г. и потомъ перешелъ въ заграничный «Вѣстн. Народ. Воли»), случилось у насъ недоразумѣніе, едва ли еще не большее, чѣмъ съ «терроризмомъ». Французскіе якобинцы 1792-93 гг. вовсе не были заговорщиками, захватившими власть посредствомъ coup d'état въ демократическомъ государствѣ, но партіей, которая организовалась уже при существованіи въ странѣ значительной свободы (со времени сегого призыва къ états généraux въ 1788 г.) и которая имѣла за собою большинство въ нац. конвентѣ, каковой была созвана предыдущимъ законодательнымъ собраніемъ и представляла законное правитель-ство страны. Какъ только якобинцы, — диктатура которыхъ, надо помнить, объяснялась еще и военнымъ положеніемъ, — потеряли поддержку этого большинства, между прочимъ черезъ попытки на coup d'état, — то потеряли и власть, — послѣ чего coup d'état удался уже ген. Бонапарту и тѣмъ только якобинцамъ, которые къ нему пристали. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ недавняго времени якобинство имѣло себѣ источникомъ, кромя авторитарныхъ стремленій, свойственныхъ извѣстной части р. населенія, особенно столичнаго, своего рода компромиссъ новѣйшаго политическаго революціонаризма съ остатками стараго народничества, которые не могли расстаться съ вѣрою въ непосредственное осуществленіе социалистическаго идеала. Такъ какъ иллюзію о социалистическомъ большинствѣ въ русск. нар. собраніи, которая сначала платалась въ «Нар. Воли», трудно было поддерживать, а признать, что при политической свободѣ приложеніе къ жизни идеи социализма будетъ зависѣть отъ самостоятельной борьбы разныхъ классовъ на почвѣ самоуправления, т. е. отъ медленной и болѣе или менѣе законной агитации, было довольно тяжело для многихъ «народниковъ-революціонеровъ», то оставалось только ухватиться за новую иллюзію — предварительнаго соц.-экономич. преобразованія Россіи посредствомъ революціонной диктатуры, а потомъ уже созванія народн. собранія. Эту иллюзію можно было бы оставить совѣтъ безъ возраженій, если-бы она не поддерживалась въ извѣстныхъ кругахъ, особенно у молодежи, авторитарно-бюрократическихъ идей и не открывала даже возможности

соціалстическомъ движеніи даже довольно широко представлено было въ «Вольномъ Словѣ» 1881—1882 г. направление соціально-демократическое, заграничные публицисты котораго не задолго передъ тѣмъ издавали „органъ социалистовъ-федералистовъ“ („Черн. Передѣлъ“). Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленствомъ и чернопередѣльской соціально-демократіей, которая все больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ (см., особенно въ 34 и 35 №№ „Письма о рабочемъ движеніи“ и „Замѣтку отъ редакціи“) Чернопередѣльская соціально-демократія была устранена изъ „Вольнаго Слова“, и газета приняла болѣе цѣльное направление, объявивъ себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“ (см. передовую статью въ №-рѣ 37, 15 Мая 1882 г.). Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направлений (даже въ защиту „террористовъ“, см., напр., въ №-рѣ 38 „На канунѣ терроризма“, ср. раньше въ № 10 „Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся въ Россіи партій“) и много посвящала мѣста соціальному вопросу, слѣдя за разнородными проявленіями его въ Европѣ и Америкѣ (напр., здѣсь сдѣлано было первое на русскомъ языкѣ довольно обширное изложеніе ученія Г. Джоржа о націонализациі земли и выражая сочувствіе тѣмъ изъ соціалистическихъ направлений, которыя хотятъ разрѣшенія соц.-экономическихъ вопросовъ на почвѣ гражданской свободы и самоуправления).

Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ Маѣ 1883 г. изданіе было уже прервано.

Не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіей и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи.

Достаточно было правительству принудить земскій либерализма прихиренія разнаго рода народниковъ-якобинцевъ съ существующимъ царско-бюрократическимъ строемъ, какъ только наступило бы у нихъ разочарованіе въ вѣрѣ въ абсолютизмъ революціонный.

разнѣмъ высылкою нѣсколькихъ человекъ (и то «въ мѣста не столь отдаленныя») и даже выговорами, чтобы цѣлѣе планы о заявленіяхъ, напр., даже прозвѣвъ административной ссылки, — оставались въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторые земцы и даже цѣлыя собранія, которые просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, — доводили оппортунизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простаго разумія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называетъ крамолой и социальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещиваетъ именованъ анархизма. Между тѣмъ социальное движеніе теперь неизбежно во всякой европейской странѣ, и чѣмъ болѣе и чѣмъ давитъ страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и на оборотъ: политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которые могутъ быть вездѣ (покушеніе Пассананте на кор. Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно вслѣдствіе гнета и жестокостей правительства. Неизбѣжными теперь стали и проявленія социальнаго терроризма (онѣ собственно существовали отъ вѣка, только теперь для нихъ придумана ново-анархическая теорія). — и, если въ въ Россіи продлится теперешній порядокъ, то онѣ станутъ многочисленнѣе и сознательнѣе*)

Г. Кеннанъ говоритъ со словъ своихъ знакомыхъ земскихъ либераловъ: «нельзя было ничего достигнуть мирнымъ способомъ, если террористы стали бы продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія». Но именно въ такой постановкѣ вопроса и была вся ошибка земскихъ либераловъ: нужно было принять дѣйствительность, какъ она есть: и съ даннымъ правительствомъ, и съ террористами. — и построить свой планъ дѣйствій, при этихъ условіяхъ, на всякій случай, и при этомъ планъ дѣйствій, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Собственно воплотить «мирныхъ способовъ» у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣ-

*) Пока толки известной части русскихъ революціонеровъ какъ, напримѣръ, «Молодыхъ Народовольцевъ», о «образномъ и аграрномъ террорѣ» (См. «Процессъ 21-го. Женева, 1888, стр. 17-16) остаются разговорами.

неніи высшего управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ, и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія и возвратить Россію къ николаевскимъ порядкамъ. Земскимъ либераламъ приходится теперь или помириться съ этимъ уничтоженіемъ и принять самими только «выжидательное положеніе» или же остановить правительство на гибельномъ для Россіи пути. Но въ настоящее время у нихъ остался только одинъ вполнѣ легальный путь: личныя заявленія императору или хоть членамъ государственнаго совѣта, которые захотятъ снособствовать открытію царскихъ глазъ. Конечно, и этимъ путемъ можно достигнуть кой-какихъ результатовъ, впрочемъ, развѣ только чисто отрицательныхъ, напр., сохраненія status quo, да и то только при условіи, если этотъ приемъ будетъ импонируетъ числомъ личностей. Но и для этого надобны энергія и стговоръ, а слѣдовательно и извѣстный рискъ *).

Коллективныя же заявленія въ собраніяхъ теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, возможны безъ стговора и рѣшимости «выйти или легальности, чтобы встунить въ право», — т. е. просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводитель-

*) Вся наша статья была набрана, когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться вѣсти, что Толстовскіе проекты встрѣтили чуть ли не единодушную оппозицію въ госуд. совѣтѣ и по всей вѣроятности отвергнуты будутъ и государемъ. (??) Если бы такъ и было, то это отнюдь не можетъ успокоить даже самыхъ умѣренныхъ сторонниковъ однихъ земскихъ учрежденій даже въ ихъ теперешнемъ видѣ. Вѣдь практика 25 лѣтъ показала, что даже примѣненіе Положенія 1864 г. невозможно при существующей общей системѣ администраціи и правительства въ Россіи. — не говоря уже о томъ, что практика эта показала и недостатки самаго этого Положенія и необходимость измѣненій въ немъ -- въ болѣе демократическомъ и либеральномъ духѣ. Гдѣ ручательства, что эти измѣненія будутъ сдѣланы, даже если бы гр. Дм. Толстой и счелъ нужнымъ выйти въ отставку, когда нѣтъ ручательства даже на то, что его не замѣнитъ какой-нибудь новый гр. Вадуевъ, Тимашевъ, Маковъ?... По всему этому земскій вопросъ и даже вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. остается во всякомъ случаѣ все въ томъ-же положеніи, какое мы имѣли въ виду, составляя нашу статью.

ских остановок прений, для чего надо, чтобы земцы хоть нескольких губерний, которым придется открыть кампанию, не побоялись, по крайней мере, административной ссылки *). Достанет ли теперь у земцев на это решимости? — вот в чем вопрос! Пока, исторически обозревая прошлое, мы должны сказать, что таких качеств, как решимость, у земских либералов не было.

Эта, как и большая часть других отмеченных выше слабостей нашего земского либерализма, может быть объяснена недостаточным количеством в земских кругах молодых элементов радикального направления. А это объясняется в свою очередь тем, что с самых 60-х годов, а особенно с 70-х, наша молодежь выступала на политическую борьбу слишком в юном возрасте, прежде чем успевала получить специальное образование, а тем более профессиональное положение, — а также и тем, что в наших радикальных кругах вопросы собственно политические (государственно-административные) не пользовались вниманием и даже вовсе отрицались для вопросов социально-экономических, которые одни считались и а р о д н ы м и, при чем эти последние вопросы представлялись у нас как-то вид реальнх государственно-административных учреждений. Вот почему наши радикалы-народники не только не думали входить в земство, но даже мало интересовались тем, что в нем делается и думается.

С некоторого времени это положение начинает изменяться, и теперь не редко приходится слышать толки о необходимости сближения радикалов с «обществом», а следовательно и с земцами, которые представляют его наибольшую и наиболее независимую от службы часть, сближения с целью совместнаго добывания политической свободы, къ признанію необходимости которой жизнь при-

*) Г. Леруа Болье сообщает, что г. Гордешка и др. предполагено было въ Петербургѣ выслать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ Меликову удалось остановить эту мѣру (ср. cit. 225). Не знаемъ, насколько вѣрно это свидѣніе, очевидно, полученное отъ одного бывшаго министра. Не известно и то, сколько земцев попало въ ссылки помянутой мѣры за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черанговской въ Костромскую губ. Слухи, которые ходили о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костливецѣ изъ Новгородской, не ясны.

*Запись
авторитет
привести
маленько
привести
данные*

ведя, хотя и разными дорогами, народниковъ-радикаловъ, какъ и земцевъ. Это большой шагъ впередъ, который безплодно не пропадетъ. Но съ своей стороны мы опасаемся, какъ бы и это «хождение» въ общество и земство не привело къ разочарованію, подобному тому, какое послѣдовало за хожденіемъ въ народъ. — опасаемся, что въ настоящихъ нашихъ общественно-земскихъ кругахъ найдется только сознаніе необходимости и формъ политической свободы, но мало силъ, способныхъ на немедленную дѣятельную борьбу за нее. — такъ что можетъ оказаться, что нашимъ активнымъ радикаламъ собственно и сблизиться будетъ не съ кѣмъ. Если это такъ, то нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами и активными либералами. Это, конечно, замедлитъ установленіе въ Россіи политической свободы, но въ нашъ вѣкъ, когда общественное сознаніе растетъ ускоренно, это замедленіе не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Правда, теперь всякое замедленіе можетъ подвергнуть нашу страну большимъ бѣдствіямъ, но общества и народы неизбежно несутъ наказанія за свою слабость, невѣдѣніе и ошибки. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти наказанія пойдутъ Россіи въ прокъ. — и тогда, какова-бы ни была судьба теперешнихъ земскихъ учреждений, но общественное мнѣніе въ Россіи станетъ, конечно, съ большей энергіей вновь на ту точку, на которую стали либеральныя дворянскія собранія 1858—1862 г. и земскія — въ 1879—1883 гг.

Суженаго конемъ не объѣдешь!

Если теперешнія земскія учрежденія будутъ отмѣнены, то либеральныя требованія появятся опять въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ 1858—1862 гг.: если же земства, переживутъ внѣшній кризисъ, то, спустя извѣстное время, они опять сдѣлаются. — говоря языкомъ московской реакціонной газеты, — театромъ конституціонныхъ «сатурналій», какъ въ 1879—1883 гг.

Въ началѣ настоящаго очерка мы сказали, что либеральное движеніе въ Россіи растетъ по неотразимымъ законамъ исторіи. Факты, которые мы изложили выше, показываютъ, что Россія вступаетъ въ періодъ, подобный тому, который

прошла, напр., Франція передъ 1788 г. и Пруссія передъ 1847 г. и который долженъ кончиться въ томъ же родѣ, въ какомъ онъ кончился въ названныхъ странахъ, т. е. политической реформой. Это должно произойти, какъ вслѣдствіе связей Россіи съ западной Европой, такъ и по ходу внутренняго развитія Россіи. Нѣтъ ничего неправильнаго противопоставленія Россіи Западу, которое есть въ сущности отголосокъ односторонняго, исключительно вѣроисповѣднаго взгляда на жизнь и исторію. Даже если забыть цѣлую западную половину Россіи (отъ Новгородѣ до Украйны), имѣвшую всегда столько соприкосновеній и аналогій съ западной Европой, а остановиться на одномъ Московскомъ государствѣ, котораго учрежденія стали теперь рамкой для политической жизни всего населенія Россійской имперіи, то увидимъ что учрежденія эти, при всѣхъ своихъ мѣстныхъ отличіяхъ, принадлежатъ къ типамъ, общимъ всемъ большимъ европейскимъ континентальнымъ государствамъ христіанской эпохи. Во главѣ всѣхъ этихъ государствъ мы видимъ сначала монарха, окруженнаго различной силой совѣщательными земскими элементами, потомъ монарха самодержавнаго, окруженнаго исходящею изъ него бюрократіей, а, наконецъ, постепенную атрофію монархическаго-бюрократическаго элемента передъ земскими выборными, который самъ все болѣе демократизируется. Главное отличіе исторіи московскаго строя отъ исторіи родственныхъ ему европейскихъ вовсе не качественного характера и состоитъ лишь въ относительной отсталости видоизмѣненій его, которая объясняется запоздалостію появленія Московскаго государства на исторической сценѣ.

Сопоставленіе хронологическихъ данныхъ политической исторіи Московскаго государства и, напр., Франціи, съ которой оно наиболѣе сходно, такъ поучительно, что мы считаемъ нужнымъ даже и въ этомъ краткомъ очеркѣ напомнить нѣсколько крупнѣйшихъ изъ этихъ даннзыхъ.

Выдѣленіе Франціи изъ Каролингскаго конгломерата въ 843 г.

Выдѣленіе Владимірска-Московскаго княжества изъ старо-русской политической системы около > 1243 г.

разница на 400 л.

Окончательное сложение Etats Généraux во Франціи	> 1302 г.
Первый Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ	> 1550 г.
	<hr/>
	разница на 248 л.
Последнее собраніе Etats-Généraux.	> 1614 г.
Последній Земскій Соборъ	> 1698 г.
	<hr/>
	разница на 84 г.
Попытка созванія Etats-Généraux во время Фронды въ 1649—1651 гг.	
Попытка ограниченія самодержавія императрицы Анны	> 1730 г.
	<hr/>
	разница на 79 л.

Такъ какъ разстояніе между этанами политической жизни Франціи и Россіи съ каждымъ изъ нихъ сокращается, то французскому собранію новыхъ Etats Généraux въ 1789 г. давно уже должно было соотвѣтствовать созваніе новаго Земскаго Собора въ Россіи. Это не случилось до сихъ поръ только влѣдствіе нѣкоторыхъ условій и осложненій положенія Россіи съ XVIII в. и между прочимъ влѣдствіе своеобразнаго отраженія на ней европейскихъ событій.

Въ первыхъ Московское царство съ к. XVII в., послѣ присоединенія къ нему Малороссіи, приобрѣло слишкомъ скоро на югѣ и западѣ обширныя области съ разнообразнымъ населеніемъ и учрежденіями *). Области эти не могли быть скоро приведены къ политическому единству инымъ способомъ, кромѣ въ началѣ диктаторіальнаго, съ извѣстными уступками мѣстнымъ земскимъ элементамъ (казакамъ и пр. въ Малороссіи, феодаламъ и отчасти городамъ въ Балтійскомъ краѣ) а потомъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго объединенія, централизаціей бюрократической. Позже всѣхъ приобретенная область, Царство Польское, уже въ эпоху европейскаго либерализма, присоединена была да-

*) Въ этомъ приобрѣтеніи дѣйствовала какъ экспансивная сила русскаго государства, такъ еще больше слабость соедѣнныхъ державъ, влѣдствіе національно-сословныхъ антагонизмовъ по всей полосѣ отъ Финляндіи до Чернаго моря.

же въ видѣ особаго конституціоннаго государства, какъ не задолго передъ тѣмъ и Финляндія, но не будучи такъ отрубана отъ остальной Россіи и географіей, и этнографіей, она подошла, наконецъ, подъ общее диктаторіально-бюрократическое ярмо. Между тѣмъ пока разныя области Россіи находились на различномъ положеніи, при чемъ новыя области пользовались многими привилегіями, въ Россіи не могла выработаться солидарная оппозиція самодержавію; сепаратистическія же стремленія въ какой-нибудь изъ нихъ вызывали въ области центральной реакцію въ пользу этого самодержавія, подъ управленіемъ котораго области эти были приобщены.

Къ сказанному надо прибавить, что самое превосходство въ цивилизаціи западной половины Россіи надъ Великою Россіей, было причиною того, что западнымъ людямъ открывалась карьера при центральномъ правительствѣ, которая отвлекала ихъ отъ мѣстныхъ дѣлъ и привязывала ихъ къ этому правительству и его формѣ. Вспомнимъ, что во время попытки ограничить самодержавіе им-цы Анны, либералами явились вельможи-великоруссы, тогда какъ малороссы-духовные и имѣнцы-чиновники стали на сторону самодержавія.

Заподозривши такимъ образомъ и застоявшіеся въ фазѣ самодержавія дѣла, чѣмъ слѣдовало, по ходу внутренняго процесса развитія, Россія XVIII в. попала въ такое отношеніе къ западной Европѣ, что даже сближеніе ея съ этой послѣдней должно было замедлить ее еще болѣе въ самодержавномъ періодѣ. Неограниченное царство сложилось въ Россіи тогда, когда западная Европа вступала въ періодъ такъ наз. „просвѣщеннаго деспотизма“, — а такъ какъ въ добавокъ судьба послала русскаму самодержавію талантливаго человѣка, въ лицѣ Петра Великаго, то самодержавіе это стало въ Россіи на извѣстное время идеаломъ именно наиболѣе образованныхъ людей. Другая талантливая личность, на русскомъ тронѣ, Екатерина II, рѣшилась даже на такую демонстрацію передъ „просвѣщеннымъ“ вѣкомъ, какъ созваніе подобія земскаго собора въ 1767 г. (т. е. за 22 года раньше французскаго собранія 1789 г.) не опасаясь за цѣлость своего деспотизма. Но вскорѣ за тѣмъ западныя европейскія страны абсолютно-монархическаго строя, усѣвши извѣрнуться въ надеждахъ на деспотизмъ, даже просвѣ-

щенный, стали стремиться къ общественному самоуправленію, принципы котораго ясно и были поставлены во французскомъ національномъ собраніи 1789—1791 гг. Русское самодержавіе увидѣло въ этомъ угрозу и себѣ и съ той поры стало отказываться отъ исполненія всякихъ прогрессивныхъ обязанностей, какъ старой, военно-религіозной монархіи, такъ и новой, философской.

Между тѣмъ одно изъ отличій Московскаго царства отъ западно-европейскихъ монархій состояло какъ разъ въ томъ, что въ послѣднихъ монархіяхъ помогать освобожденію массъ народа отъ феодальной аристократіи и почти окончили эту работу передъ началомъ освободительнаго періода. — тогда какъ въ Московіи и потомъ въ Россіи XVIII в., именно въ самодержавно-монархическій періодъ, крестьянство было закрѣпощено духовенству и служилому дворянству. Обстоятельство это должно быть объяснено колонизаціонными и военными отношеніями въ Восточно-европейской равнинѣ, гдѣ, напр., Московское царство XVI—XVII в., будучи, по политическому возрасту, ровесникомъ Франціи при короляхъ Валуа, въ упомянутыхъ отношеніяхъ соответствовало Франкскому государству при Меровингахъ и Каролингахъ. — вотъ почему основа феодализма, раздача земель служилымъ людямъ, со всеми послѣдствіями ея, продолжалась въ Московіи и Россіи даже до XIX в., — да въ иныхъ формахъ, тянется и до нашего времени*). Съ устройствомъ войска на ново-европейскій ладъ, а также подъ вліяніемъ идей просвѣщеннаго вѣка, и русскаго самодержавіе готово было (при Екатеринѣ II) вступить за освобожденіе крестьянъ, но натолкнувшись на повѣйшее европейское освободительное движеніе, самодержавіе это неслучалось и сдѣлалось консервативнымъ по всемъ пунктамъ. Въ этомъ консерватизмѣ укрѣплено было оно еще и прямымъ вліяніемъ западнаго легитимизма, который внушалъ русскимъ самодержцамъ идею объ ихъ всемірномъ противуреволуціонномъ призваніи.

Въ импер. Николаѣ мы видимъ характернѣйшее совмѣщеніе стараго византійско-московскаго царизма, оправленна-

*) Что форма правленія тутъ играла второстепенную роль, видно и изъ того, что закрѣпленіе крестьянъ росло въ XV—XVIII в. и въ полуреспубликанской Польшѣ съ Литвой.

го въ новыя версальско-потсдамскія формы, съ новѣйшимъ контр-революціоннымъ диктаторствомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ парализируя во всѣхъ направленіяхъ развитіе Россіи, система Николая I постепенно обличила свою несостоятельность, сначала передъ наиболее образованными людьми, а наконецъ и передъ всѣми, сколько-нибудь думавшими практиками. Послѣ этого обличенія можно было ожидать, что самодержавіе въ Россіи быстро уступитъ мѣсто общественному самоуправленію, — но именно объявленное выше замедленіе пребыванія Россіи въ этапѣ самодержавія, совпавши съ новымъ прогрессомъ Западной Европы, было причиною новыхъ условій для дальнѣйшей заминки Россіи въ этомъ же этапѣ.

Около 1848 г. въ Западной Европѣ прогрессивныя партіи раздѣлились: на умѣренно либеральныя и радикальныя, отъ которыхъ въ свою очередь стали отдѣляться фракціи социалистическія. — при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по реакціи старымъ сословно-либеральнымъ партіямъ, стали было даже склоняться къ диктаторіальнымъ идеямъ и даже къ союзу съ цезаризмомъ. Всѣ эти раздѣленія пустили свои отголоски и въ Россіи и при томъ даже раньше, чѣмъ ходъ жизни создалъ реальную подкладку для этихъ раздѣленій. А такъ какъ въ Россіи, при наследникѣ Николая I, подвинутомъ къ реформамъ послѣ неудачной войны, начатой Николаемъ, должно было возродиться даже поклоненіе „просвѣщенному“ деспотизму, то упомянутыя раздѣленія оказались какъ нельзя болѣе на руку абсолютизму. — какъ это и показываютъ многія данныя настоящаго очерка.

Но изъ этого же очерка видно, что въ послѣдніе годы сама жизнь въ Россіи успѣла обнаружить, какъ неосновательность надеждъ на просвѣщенный деспотизмъ, такъ и необходимость политической свободы для радикально-демократическаго и социалистическаго движенія, и сдѣлать либерализмъ непремѣннымъ догматомъ для всякаго послѣдовательнаго русскаго прогрессиста, какъ и для всякаго сознательнаго сторонника даже внѣшняго благоустройства страны. Такимъ образомъ теперь подконаны однѣ изъ послѣднихъ указанныхъ выше идейныхъ препятствій къ торжеству либерализма въ Россіи. Остается лишь, чтобы ослабѣли племенные антагонизмы и чтобы у передовыхъ людей разныхъ

племень Россіи выработалось сознание необходимости солидарнаго дѣйствія для преобразованія ея политическаго строя къ общему благу. Большимъ приобрѣтеніемъ послѣдняго времени, дающимъ надежду на благоприятный исходъ также и племеннаго вопроса, слѣдуетъ счесть то обстоятельство, что либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ поставило отчетливо мѣтное самоуправленіе важнѣйшею частію своихъ требованій.

Если теперь всѣ образованные люди разныхъ племенъ населенія Россіи уведуть себя безповоротно и послѣдовательно начала, лежація въ основѣ русскаго земскаго движенія и предлагаемая въ обязательной формѣ, — а именно требованія неприкосновенности основныхъ правъ лица и мѣтнаго самоуправленія, обеспеченныхъ самоуправленіемъ государственнымъ, тогда главная часть работы добыванія для Россіи политической свободы будетъ сдѣлана.

Нечего смущаться теперешней матеріальной слабостію либерализма въ Россіи и огромными силами въ распоряженіи самодержавія. Матеріальными силами, конечно, пренебрегать нельзя, и либерализму нашему надо приобрѣтать ихъ во всѣхъ элементахъ населенія Россіи: въ такъ называемыхъ «обществѣ» и «народѣ», среди «рабочихъ» и въ арміи. Но матеріальная сила въ вопросахъ внутренней политики далеко не все и даже не главное. Въ наши времена сочувственная, или, по крайней мѣрѣ, нейтральная нравственная атмосфера есть необходимое условіе для дѣйствія всякаго политическаго строя: лишенный ея всякій политическій порядокъ задыхается и падаетъ, при малѣйшемъ толчокѣ и даже безъ него. Такъ палъ королевскій абсолютизмъ во Франціи — не 14 іюля 1789 г., когда толпа парижанъ осадила Бастилію, а еще раньше, вслѣдствіе общественнаго сознанія, которое поставило на уста каждаго образованнаго француза слова: *Etats Généraux*, созваніе которыхъ было рѣшено еще дѣломъ 1788 г. послѣ волненій въ нѣсколькихъ провинціяхъ и заявленій земскаго собранія (*etats*) въ Дофинѣ, по поводу реформы судебныхъ палатъ (парламентовъ). Такъ прусскій абсолютизмъ палъ — не вслѣдствіе борьбы на улицахъ Берлина 18—19 марта 1848 г. (которая вспыхнула случайно и по поводу вопроса второстепеннаго, — національной гвардіи), а уже въ

1847 г., когда король-реакционеръ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provinzialstände) созвалъ объединенное ихъ собраніе (der vereinigte Landtag, по патенту 3 февраля 1847 г.) Сами 12—14 іюля въ Парижѣ и 18 марта въ Берлинѣ только потому и были возможны, что окружавшая уже правительства нравственная атмосфера не позволила имъ употребить противъ столичныхъ возстаній матеріальную силу, которой у этихъ правительствъ было еще достаточно. 13 марта 1848 г. австрійское правительство, застарѣлое въ реакціи, поддалось собственно горсти вѣнскаго населенія, которая приступала къ нему съ требованіями отставки Метерниха и объявленія политическихъ вольностей, потому что Метернихъ и вся его система были уже нравственно убиты въ общественномъ сознаніи, которое проникло и въ старомодныя провинціальныя земства (Landtage). Да и раньше уличныхъ волненій въ Вѣнѣ правительство уже уступало въ главномъ пунктѣ, такъ какъ уже 12 марта, — послѣ либеральныхъ адресовъ (промышленнаго общества, юридическо-политической читальни и студенческаго, переданнаго профессорами) и въ виду адреснаго проекта либераловъ Нижнеавстрійскаго земскаго собранія (о созывѣ общаго земскаго представительства, отменѣ цензуры и пр.) — правительство составило рескриптъ, которымъ обещало подобное представительство.

Бонапарты нашли силу обстрѣливать Парижъ, а Габсбурги — Вѣну. Гогенцоллерны возвратили войска свои въ Берлинъ, когда въ общественномъ мнѣніи обнаружился раздѣленія, — по единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учрежденій, вполне ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда обезоруживало самыя реакціонныя правительства.

28 Ноября 1888 г.

САМОДЕРЖАВІЕ.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И НЕЗАВИСИМЫЙ СУДЬ.

Въ настоящее время во внутренней политикѣ Россіи самый важный вопросъ — это судьба земскихъ учрежденій, о которой теперь идетъ рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, по поводу административныхъ проектовъ гр. Дм. Толстого. Понятно, что этимъ вопросомъ занята и русская журналистика, но сколько позволяетъ ей строгая цензура и таинственность самого представленія названныхъ проектовъ. Изъ текущей по этому поводу журнальной полемики особый интересъ имѣетъ споръ между Кагковскими эмигрантами „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ съ одной стороны и „Вѣстникомъ Европы“ съ другой, споръ, который тянется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Poleмика эта касается на столько важныхъ предметовъ, что мы считаемъ не лишнимъ разобрать ея принципиальныя основы нѣсколько подробнѣе въ нижеслѣдующей статьѣ.

Прежде всего позволимъ себѣ сказать, что вся упомянутая полемика принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ литературѣ, которая пишется не для общества, а въ полномъ смыслѣ *ad usum Delphini* и, какъ таковая, отличается особенностію дѣтскихъ рисунковъ, а именно отсутствіемъ перспективы. Въ абстракціи „Р. В.“ совершенно правъ, говоря, что мѣстное самоуправленіе и самодержавіе несогласимы. Но въ то же время правъ и „В. Е.“, приводя историческіе примѣры въ пользу противоположной мысли. Только примѣры эти „В. Е.“ поставилъ внѣ настоящей

исторической перспективы, а въ одной плоскости. Если же разставить эти примѣры по надлежащимъ плоскостямъ, — то выйдетъ опять, что правъ болѣе „Р. В.“ и даже не въ одной абстракціи. Остановимся пока на двухъ примѣрахъ „В. Е.“

Несомнѣнно, что въ Московскомъ Государствѣ, при величайшемъ деспотѣ, Иванѣ IV, существовало широкое мѣстное самоуправленіе: несомнѣнно также, что и въ монархической Пруссіи въ 1808 г. было установлено весьма широкое самоуправленіе городовъ. Но дѣло въ томъ, что Московское государство XVI в. принадлежало къ типу монархій восточныхъ и средневѣковыхъ, въ которыхъ еще не развилась бюрократія, а потому государства эти, будучи самодержавными вверху, допускаютъ самоуправленіе снизу. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ потребностей государства и центральной власти, монархическое самодержавіе вездѣ, — въ томъ числѣ и въ Россіи въ XVII—XVIII в., — обставилось бюрократіей, которая неизбежно и захѣла всѣ виды мѣстнаго самоуправленія, какъ захѣла она и старыя учрежденія и обычаи земскаго и сословнаго совѣтательства верховной власти и даже обычаи собирательныхъ прошеній со стороны подданныхъ. Но, такъ какъ со временемъ обнаружилась, по крайней мѣрѣ, для умовъ болѣе просвѣщенныхъ, неудобства самодержавно-бюрократической администраціи даже для вишняго благоустройства безконтрольно управляемыхъ ею странъ, то въ европейскихъ обществахъ явилось сознаніе необходимости измѣненія системы управленія предоставленіемъ самому населенію хоть доли участія въ завѣдываніи своими дѣлами, — если еще не высшими государственными. требовать чего не всѣ рѣшились въ началѣ, то хоть мѣстными. Такое значеніе имѣли, напр., во Франціи XVIII-го в. проекты Фенелона, Тюрго и др. о провинціальныхъ собораніяхъ, предшествовавшіе требованіямъ земскаго собора. (*états généraux*), проекты, которые, наконецъ, должно было осуществить правительство Людовика XVI-го (1778 — 1787) по идеямъ того же самого Неккера, который созвалъ и земскій соборъ 1789 г.*

*) Неспеціальному читателю мы можемъ рекомендовать книжку Léonce de Lavergne. *Les assemblées provinciales sous Louis XVI*

Такого рода учреждения, какъ французскія пров. собранія при Людовикѣ XVI, имѣютъ уже совершенно иной смыслъ, чѣмъ азиатское или средневѣковое мѣстное самоуправленіе: это уже прямые предшественники правленія либерально-конституціоннаго и отъѣны правленія бюрократически самодержавнаго. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежатъ и цитируемыя «В. Е.» прусскія муниципальныя учрежденія 1808 г. Эти послѣднія, какъ равно и прусскія провинціальныя собранія (Provinzialstände), введенныя въ 1822 г., которыя воле сходы съ нашими земствами, чѣмъ муниципаліи 1808 г., даже имѣютъ и прямую связь съ французскими учрежденіями, созданными земскимъ соборомъ 1789 — 1791 г., организовавшимъ самоуправленіе, какъ мѣстное (общинное, департаменское), такъ и государственное, по конституціи 1791 г. Учрежденія эти произвели огромное впечатлѣніе на всю Европу, въ томъ числѣ и на Германію. Какъ ни искажены они были якобинцами и Наполеономъ, которые подрѣзали особенно мѣстное самоуправленіе, все-таки Франція, — даже императорская, — оставалась *de jure* государствомъ конституціоннымъ. По типу ея сложились и новыя германскія государства, образованныя подъ вліяніемъ Наполеона, изъ которыхъ, напр., королевство Вестфальское и Баварское имѣли конституцію уже въ 1807 — 1808 гг., при чемъ вестфальская конституція вовсе не оставалась на бумагѣ.

Разбитая Наполеономъ самодержавно-бюрократически-дворянская Пруссія, послѣ 1807 г., должна была, чтобы стать на ноги, произвести революцію сверху, — „революцію въ хорошемъ смыслѣ“, какъ выразился тогда прусскій государственный дѣятель кн. Гарденбергъ въ письмѣ къ другому, къ знаменитому реорганизатору Пруссіи Штейну. Намъ странно было бы учить «В. Е.», напоминая ему, что Штейнъ и его товарищи по министерству, какъ Вильгельмъ Гумбольдъ и др., были политическіе либералы. Городское самоуправленіе 1808 г. было только однимъ изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи либеральныхъ учрежденій, или предположенныхъ: самоуправленія общиннаго, уѣздна-

(2-е изд., 1879), въ которой найдется много аналогій съ Россіей времямъ Александра II-го и теперешней.

го, провинціального и, наконецъ, государственнаго представительства (Reichstände), которое, по мысли Штейна, должно было состоять изъ делегаций провинціальныхъ сеймовъ, хотя сначала имѣть только совѣщательное значеніе *).

Придворная реакція помѣшала современному выполнению всего этого плана, — и политическая часть реформъ Штейна ограничилась надолго городскимъ закономъ 1808 г., но черезъ то вовсе не измѣнилось политическое значеніе этого закона. Самъ В. Е., возражая на замѣчаніе М. В., будто законъ 1808 г. былъ только «видозмѣненіемъ древнихъ городскихъ привилегій», говоритъ: «Трейчке совершенно правъ, придавая реформамъ Штейна совершенно другое болѣе глубокое значеніе» (1889, Янв., 416, примѣч.). Но вѣдь Трейчке вотъ какъ оцѣниваетъ городскую реформу Штейна: «Подобно тому, какъ Фр. Вильгельмъ I создалъ повѣйшее нѣмецкое чиновничество. — Штейново городское устройство стало исходною точкою нѣмецкаго самоуправленія. На немъ опирались всѣ повѣйшіе общинные законы, которые въ теченіи двухъ поколѣній, пока парламентаризмъ былъ еще не зрѣлъ и незавершенъ, образовали прочнѣйшую, наилучше обезпеченную часть нѣмецкой народнои свободы. Реформами Штейна вновь пробуждено было въ нѣмецкомъ городскомъ населеніи живое чувство общности, охота къ отвѣтственной политической дѣятельности. Имъ обязаны мы тѣмъ, что нѣмецкое конституціонное государство стоитъ теперь на твердой почвѣ: и т. д. **)

Чего же еще нужно для признанія политическаго смысла прусской городской реформы 1808 г., у которой петербургскій журналъ отрицаетъ подобное значеніе? Изъ книги того же Трейчке (замѣтимъ, вовсе не радикальнаго либерала) — видно, что на этотъ счетъ не ошибались ни друзья реформы, ни ея противники, — феодалы и бюрократы старой школы, которые говорили о «республиканскомъ

*) V. Treitschke. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. I. 273-287. Цитируемъ это сочиненіе, такъ какъ на него ссылается и В. Е. Подробносіи любопытный читатель найдетъ въ Биографіи Штейна, соч. Пертцомъ, въ полномъ и сокращенномъ изданіи.

***) Трейчке. тамъ же. 285.

началъ городской реформы», какъ теперь партія «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ о «принципѣ народовластія» въ нашемъ Земскомъ положеніи 1864 г. Сторонники реакціи вскорѣ восторжествовали надъ Штейномъ при прусскомъ дворѣ, и дальнѣйшее развитіе реформъ его приостановилось;—но «В. Евр.» все-таки не правъ, увѣряя, будто по самодержавію прусскіе короли Фридрихъ Вильгельмъ III и IV ничемъ не отличались отъ своихъ предшественниковъ. Нѣтъ, — старая самодержавно-бюрократическая монархія была уже подконана въ Пруссіи послѣ 1807 г. и ходомъ политики, даже и вѣдшей, и общественнымъ анализомъ, — и кор. прусское правительство должно было, хоть медленно и съ оглядками, но идти къ реформѣ государственнаго правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширять и мѣстное самоуправленіе.

Въ 1813 г., поднимая нѣмцевъ противъ Наполеона, пр. король долженъ былъ пообѣщать имъ свободныя учрежденія по соглашенію князей и народовъ Германіи. *) Въ 1815 г. онъ формально объявилъ о томъ, что вырабатываетъ для своего государства, въ которое вступала и Вестфалія, конституцію. Политическое представительство было обѣщано всѣмъ нѣмцамъ союзнымъ актомъ 1815 г., послѣ чего юго-западные меньшія государства скоро и получили конституціонныя учрежденія. Прусское правительство образовало комиссію для начертанія конституціи, — и канцлеръ кн. Гарденбергъ составилъ проектъ, близкій къ идеямъ Штейна: тутъ между прочимъ читаемъ: «лучшій фундаментъ конституціи есть цѣлесобразное муниципальное и общинное устройство». Дальше проектъ предполагаетъ выборныя собранія уѣздныя, провинціальныя и общегосударственныя. **)

Выработка конституціи прусской опять затянулось че-

*) Любопытно для русскихъ то, что это Калининское воззваніе 25 Марта 1813 г. было подписано съѣтъ имени Е. В. императора и самодержца всероссійскаго и Е. В. короля прусскаго; нашимъ соотечественникомъ кн. Кутузовымъ-Смоленскимъ. Не это ли обѣщаніе Р. В. называетъ «вынужденнымъ»? Интересно бы знать: къмѣ?—или лучше: чѣмъ. — кромѣ совокупности историческихъ условий, упорное исприваніе которыхъ обращаетъ самодержавіе въ полное самолурство?

**) Трейчке, т. II. 635-637.

резь придворную реакцію, — которая между прочимъ ссы-
лалась и на политическія убійства, студенческія демон-
страціи, тайныя общества, антиеврейскіе безпорядки и т.
п. явленія, очень похожія на тѣ, какія мы видимъ въ по-
сѣднее время въ Россіи, — но въ 1822 г. прусское пра-
вительство издало законъ о провинціальныхъ сеймахъ,
— хотя и весьма аристократическихъ и имѣвшихъ только
сообщательный голосъ по общегосударственнымъ дѣламъ,
— но все-таки осуществлявшихъ извѣстное провинціальное
самоуправленіе и получавшихъ права во многомъ большія,
чѣмъ наши земства 1864 г. При Фридрихѣ Вильгельмѣ
IV эти сеймы стали (съ 1840 г.) ходатайствовать о со-
званіи общегосударственнаго представительства, какъ и
наши земскія собранія 1879 — 1883 гг. Король отказы-
валъ, — но, такъ какъ либеральное движеніе не утихало,
то по немногу уступалъ: въ 1842 г. установлены были
въ столицѣ совѣстные засѣданія комитетовъ отъ всѣхъ
провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ
по вопросамъ, какіе имъ предлагало правительство (напр.,
о желѣзныхъ дорогахъ, объ уложеніи наказаній). Но либе-
ральныя ходатайства пров. собраній и городскихъ думъ
а также корпорацій, не прекратились, не смотря на реак-
ціонное настроеніе короля и двора, успешное аттента-
томъ Чеха и волненіями рабочихъ въ Силезіи, которыя ре-
акція представляла результатомъ коммунистической про-
паганды*). Въ 1847 г. король согласился на Соединенный
Сеймъ: — но и въ немъ движеніе, требовавшее упро-
ченія политической свободы и большей демократизаціи
представительства, не умолкало. Съ тѣхъ поръ, не смотря
на разныя колебанія впередъ и назадъ (созывъ Учредит.
собранія по избират. закону, составленному Соедин. Сей-
момъ, потомъ октроированная конституція 1848 г. и т.
д.) — Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ. А
когда конституціонное правленіе въ ней упрочилось (ибо
компетенціи парламента, по крайней мѣрѣ, во внутреннихъ

*) Обо всемъ этомъ, особенно о либеральной агитаціи въ провин-
ціальныхъ сеймахъ, въ городахъ и печати, см. интересныя, особенно
для русскаго читателя, подробности у Wirth. «Die Geschichte der
Deutschen Staaten von der Auflösung des Reiches bis auf unsere
Tage» (1847), т. III. 633 и слѣд.

дѣлахъ не смѣетъ отрицать самъ кн. Бисмаркъ), тогда, съ 1872 г., во время наибольшаго сближенія правительства съ либеральною партіей, вослѣдовала и новая реформа мѣстнаго управленія: провинціального, уѣзднаго, окружнаго и волостнаго, которая, конечно, далека отъ «народоприветнаго», въ родѣ, напр., швейцарскаго. — но все-таки представляетъ мѣру органически-прогрессивную, добросовѣстный опытъ довольно широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Передъ тѣмъ сходный проектъ (Organisationsgesetz) выработанный въ 1850 г., велѣдъ за окончательнымъ установленіемъ конституціи, который долженъ былъ органически объединить всѣ силы самоуправления, былъ оставленъ безъ примѣненія по соглашенію правительства, впаднашаго въ реакцію, съ палатою господъ — въ 1851 г. Новая земско-административная реформа, начатая положеніемъ объ округахъ (Kreisordnung), принятымъ палатою депутатовъ 25 Марта 1872 г., прошли въ реакціонно-дворянской палатѣ господъ только послѣ назначенія королемъ 25 новыхъ либеральныхъ членовъ. Чтобы дать спеціальному читателю понятіе о прусскомъ земско-административномъ устройствѣ, сравнительно съ нашимъ, а особенно съ замыслами Катковцевъ, мы скажемъ лишь, что въ Пруссіи земско-административныя единицы разныхъ степеней имѣютъ не только выборныя собранія и управы въ родѣ нашихъ земскихъ (Provinziallandtag, Provinzialausschuss, — Kreistag, Kreis Ausschuss), но и избираемыхъ отъ земства членовъ въ советахъ при коронныхъ администраторахъ (Provinzialrath, Bezirksrath, которыхъ замѣняютъ въ округахъ и волостяхъ Kreis Ausschuss и Amt Ausschuss, — послѣдній изъ представителей общины); кромѣ того начальники администраціи и полиціи въ меньшихъ земскихъ единицахъ, — Landrath въ округѣ и Amtmann въ волости, — назначаются правительствомъ по представленію уѣзднаго земскаго собранія (Kreistag) изъ мѣстныхъ жителей съ извѣстными квалификаціями. (Подробности см. у Demombynes, Les constitutions Européennes, Parlements, conseils provinciaux et communaux et organisation judiciaire. 2-ed. II, 635 — 677)

Мы остановились подольше на исторіи мѣстнаго самоуправления въ Пруссіи, которую затронула полемика на-

шихъ столичныхъ журналовъ, такъ какъ эта исторія показываетъ наглядно, — 1) что мѣстное самоуправленіе имѣетъ теперь безспорно политическое значеніе, — и 2) что его учрежденія въ новѣйшихъ государствахъ растутъ и крѣпнуть именно во время общегосударственнаго либеральнаго движенія и упрочиваются только съ либеральной реформой центральныхъ государственныхъ учреждений, для которой въ тоже время мѣстное самоуправленіе составляетъ лучшую опору.

Исторія русскихъ мѣстныхъ учреждений учитъ тому же самому. Россія послѣ-севастопольская находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. И въ ней поэтому началось, и въ обществѣ, и въ болѣе просвѣщенной части правительства, движеніе, вполне аналогичное съ тѣмъ, какое было въ Пруссіи въ эпоху Штейна. Тогда-то, рядомъ съ реформой крестьянской, пошли въ ходъ и планы всесторонняго преобразования административно-политическаго строя, при чемъ самоуправленіе мѣстное и у насъ считалось первымъ шагомъ для основы самоуправленія государственнаго. (См. выше статью «Земскій либерализмъ въ Россіи»). И замѣчательно, самъ императоръ Александръ II' принципиально не отрицалъ необходимости полноты такой реформы, а только сохранялъ за собой право починна въ ней. И въ Россіи политическая реформа сначала остановилась только на опытахъ мѣстнаго самоуправленія.

Совершенно естественно, что бюрократія російская, высшая и низшая, отнеслась враждебно къ этимъ опытамъ, искаживъ ихъ начала даже въ самомъ Положеніи о земствахъ 1864 г., а потомъ въ его примѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи. Это еще болѣе слѣдуетъ сказать о Городскомъ положеніи 1870 г., составленномъ въ болѣе реакціонное время. Бюрократія настолько не совместима съ самоуправленіемъ, что, напр., во Франціи даже послѣ революціи 1789 г. департаменское и общинное самоуправленіе, установленное законами 1789—1791 г., не удержалось, и съ силой вѣками выросшаго бюрократическаго элемента и соотвѣтственныхъ ему инстинктовъ и идей и начало утверждаться только въ послѣднее время, уже при третьей республикѣ. Совершенно естественно также, что рос-

сійскіе монархи, гораздо менше просвѣщенные, чѣмъ, напр., прусскіе, еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, поддаются вліянію бюрократіи, враждебной самоуправленію, даже мѣстному. А потому теперь въ Россіи дѣйствительно несогласно мѣстное самоуправленіе съ монархическимъ самодержавіемъ, — такъ какъ это послѣднее теперь немислимо безъ бюрократіи*).

А такъ какъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, общественное благоустройство не возможно при бюрократической администраціи, — то..... выводъ самъ собою ясенъ.

Сущность сказаннаго выше вполне прилагается и къ другому предмету спора между нашими столичными журналами, а именно — къ независимому суду и суду присяжныхъ. При всемъ ихъ специальномъ назначеніи, конечно, судебныя учрежденія имѣютъ и значеніе политическое и между прочимъ правильно могутъ дѣйствовать только при политической свободѣ. Печать Катковскаго толка совершенно права, когда доказываетъ несовмѣстимость въ настоящее время „судебныхъ республикъ“ и „народнаго суда“ (присяжныхъ) по уставамъ 1864 г. съ монархическимъ самодержавіемъ, — а „В. Евр.“ на этотъ разъ еще болѣе не правъ, когда ссылается на существованіе довольно независимаго суда въ Пруссіи и суда присяжныхъ въ прусскихъ ея провинціяхъ и до 1848 г. Самъ же „В. Евр.“ говоритъ, что судъ присяжныхъ въ этихъ провинціяхъ былъ „завѣщанъ французскимъ управленіемъ“, — т. е. былъ данъ идеи „народовластія“, говоря языкомъ „Русскаго Вѣстника“, — а вовсе не монархическимъ самодержавіемъ.

Исторія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ вполне аналогична съ исторіей мѣстнаго самоуправления. Такого рода судебныя учрежденія и обычаи существовали въ старину во всей Европѣ, какъ остатокъ древняго, общиннаго и племеннаго, народоправства, но въ монархическо-бюрократической періодъ атрофировались повсюду, кро-

*) Московско-славянофильская идея о земско-народномъ царь-самодержавіи, безъ «средостѣнія», т. е. чиновничьей, есть такая же иллюзія, какъ и ея родная сестра. — Бакунинская анархія.

мѣ конституціонной Англій, откуда идея ихъ, вмѣстѣ съ другими англійскими либеральными идеями, стала переноситься на материкъ Европы въ XVIII в. Законодательство революціонной Франціи внесло эти учрежденія въ новый кодексъ, хотя якобинско-бонапартовскій авторитаризмъ и обрѣзалъ ихъ примѣненіе, оставивъ бюрократическую судебную процедуру для преступленій политическихъ, печатныхъ и т. п. Въ такомъ видѣ англійскія судебныя учрежденія были введены въ прирейнскія провинціи во время французскаго здѣсь вліянія, — и не вѣрно было бы думать, что стремились сохранить самодержавіе прусское правительство времени Реставраціи вполне примирялось съ этими учрежденіями. Нѣтъ, — оно не разъ пыталось ихъ уничтожить въ 1819 — 26 гг., и если этого не сдѣлало, то только благодаря энергичной оппозиціи населенія прирейнскихъ областей. Изъ продолженій этой оппозиціи движеніе 1825 — 26 гг. кажется намъ такъ поучительнымъ для русскаго общества, что мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь его краткій очеркъ.

Поводомъ къ новому нападенію прусской бюрократіи на прирейнскія судебныя учрежденія послужить исходъ одного, надѣлавшаго шуму въ провинціи, процесса по подозрѣнію въ убійствѣ, — при чемъ подсудимый (купецъ фонъ въ Кельнѣ) былъ признанъ присяжными виновнымъ (наши реакціонеры бьютъ въ набатъ обыкновенно по поводу оправданій). Король, возбуждаемый юристами старой школы и политическими реакціонерами, отмѣнилъ судебный приговоръ (а не только помиловать осужденнаго) и, по представленію всего министерства, повелѣлъ приостановить дѣйствіе „французскаго“ судопроизводства въ рейнскихъ провинціяхъ впредь до общаго пересмотра свода законовъ государства. Когда этотъ указъ дошелъ до рейнскаго провинціального собранія, то здѣсь только аристократическіе депутаты привѣтствовали его, какъ отмѣну «слѣдовъ постыднаго (чужеземнаго) ига», — но большинствомъ депутатовъ отъ городовъ и крестьянъ напротивъ вступилось за «французскіе» суды. Известные юристы произнесли въ защиту ихъ рѣчи въ собраніи и напечатали брошюры. Шестнадцать городовъ подали адреса или королю, или земскому собранію провинціи, которое, въ

противность уставу, приняло их и обсуждало. Прения собранія по этому поводу проникли и въ печать, также въ противность закону. Собрание постановило просить короля не вводить прусскаго судопроизводства въ провинцію, впредь до его преобразования, и во всякомъ случаѣ сохранить для провинціи присяжныхъ и гласность суда. Король долженъ быть уступителен”).

Не обошлась безъ нападеній бюрократической реакціи въ Пруссіи и знаменитая, упоминаемая „В. Евр.“, независимость королевскихъ судей отъ администраціи, — такъ какъ въ 1844 г. была учреждена для судей Дисциплинарная палата, которая сильно ограничивала эту независимость.***) Да и въ самомъ дѣлѣ, — по видимому, независимость судьи, назначаемого самодержавною короною, и въ кругу, строго опредѣленномъ закономъ, исходящимъ отъ той же короны, судьи, производящаго судъ отъ ея же имени, — не можетъ ничѣмъ нарушить престижа этой короны. Но это такъ только въ абстракціи. Въ действительности же, въ которой самодержецъ является обладателемъ цѣлой арміей тоже назначенныхъ имъ чиновниковъ, — приговоръ и даже поведеніе во время суда независимаго отъ нихъ судьи рискуетъ ежедневно, особенно при современной сложности жизни, затронуть интересы не только отдельныхъ лицъ изъ чиновниковъ, но и цѣлыхъ вѣдомствъ, и всѣ они возносятся къ самодержцу противъ „судебной республики, невозвратительной въ самодержавномъ государствѣ.“

Чего же ждать суду присяжныхъ? Вотъ почему этотъ судъ въ повѣйшее время всегда тѣсно былъ связанъ съ политическими либеральными учрежденіями, вводился или вмѣстѣ съ ними, или какъ ихъ предтеча, и урѣзывался, или совершенно отмѣнялся во время политической реакціи. «В. Е.» успокаиваетъ наши официальные вершины, которыя реакціонеры настраиваютъ противъ суда присяжныхъ тѣмъ, что-де въ Германіи его требовали передъ 1848 г. политическіе либералы и что онъ былъ введенъ послѣ и вслѣдствіи февр. революціи, — успокаиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „У насъ въ Россіи о политическомъ

*) Treitschke, т. III, 382-386, Wirth, т. II, 925-926.

**) Wirth, т. III, 741-742.

характеръ суда присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи и потому, что онъ съ самого пачала не былъ распространёнъ ни на государственныя преступленія, ни на проступки печати, — а между тѣмъ только изъ-за этихъ дѣлъ и происходила вокругъ него въ Западной Европѣ настоящая политическая борьба, только изъ-за нихъ онъ входилъ въ политическую программу либеральныхъ партій“ (В. Евр. 1889 г., Янв., 410).

Положимъ, не совсѣмъ — только изъ-за нихъ! — Но, если бы и такъ, — то это все-таки не даётъ убѣдительности всей приведенной тирадѣ „В. Евр.“ Присяжные, какъ и гласность суда, есть одна изъ гарантій независимости судебной процедуры и приговора, а, слѣдовательно, истиннаго правосудія, — а потому, разъ она существуетъ для однихъ видовъ преступленій, не логично не быть ей и для другихъ. Общественное сознание всегда будетъ смущаться, если не возмущаться, всякаго рода исключительными судами, и всегда найдутся люди, которые растолкуютъ ему ненормальность того, что разбойникъ судится съ большими гарантіями, чѣмъ сочинитель, а профессиональный жуликъ съ большими, чѣмъ противникъ, часто только теоретическій, господствующей формы правленія. Въ Россіи же, гдѣ введеніе „Судебныхъ Уставовъ“ 1864 г. не повело за собою ни уничтоженія III-го отдѣленія съ произвольными арестами, ни административной ссылки, — какъ того всё ждали и какъ на то намекала даже правительственная коммиссія, составившая основы судебной реформы, — эта нелогичность бросается въ глаза еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вотъ почему въ Россіи принципы „Судебныхъ Уставовъ 1864 г.“ получили болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не только политическій, но прямо агитационный характеръ.*) Совершенно естественно, что вмѣсто того, чтобы расширить ведомство суда присяжныхъ, напр., хоть бы

*) Напомнимъ, что подсудимые проц сса 19), поставленные въ 1878 г. (изъ числа болѣе 1000 человекъ, незаконно арестованныхъ въ 1874 г.) передъ судомъ исключительнаго трибунала, установленнаго въ 1872 г. въ отмяну даже первоначальной редакціи закона 20 Января 1864 г., — заявили, что не признаютъ такого суда, а требуютъ «суда общества, суда присяжныхъ.» И затѣмъ, что это требованіе было первымъ проявленіемъ поворота русскихъ социалстовъ 70-хъ годъ въ къ политическому вопросу.

передачей ему процессовъ по дѣламъ печати, какъ это недавно случилось, хоть отчасти, даже въ современной Австріи, — русское правительство вскорѣ по изданіи Уста-вовъ 20 Ноября 1864 г. начало подрывать даже незави-симость и гласность новоучрежденныхъ коронныхъ судовъ не только въ области дѣлъ прямо политическихъ, но и обыкновенныхъ. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ эти подкобы и искаженія, которые, конечно, будутъ идти прогрессивно до тѣхъ поръ, пока или не произой-детъ политическая реформа самого высшаго управленія Рос-сін, или пока новые суды не будутъ превращены въ старые, Николаевскіе. А такъ какъ правосудіе и суды Го-голевскихъ и Щедринскихъ судей и пред-сѣдателей палатъ двѣ вещи несовмѣстимыя, — то..... сдѣлать выводъ опять не трудно....

Вотъ въ какомъ видѣ представляется, по нашему мнѣ-нію, предметъ спора между нашими реакціонными орга-нами и петербургскимъ прогрессивнымъ (или теперь ско-рѣе консервативнымъ) журналомъ, если изобразить этотъ предметъ способомъ, употребляемымъ не для дѣтей, про-стыхъ или царственныхъ, а для взрослыхъ. Не пускаясь въ обсужденіе ни достоинства, ни пользы занятія пуб-лицистовъ дѣтскими картинками, — мы скажемъ только, что надо же кому-нибудь заняться публицистикой и для совершеннолѣтнихъ. Настоящая литература нѣдѣ суще-ствовать для взрослыхъ и должна разъяснять, а не затем-нять, хотя бы и съ благими намѣреніями, общественные вопросы, — разъяснять и обществу, и государственнымъ людямъ, и самой династии. Пусть всѣ знаютъ, куда ведутъ Россію и дорога реформъ, на которую страна эта должна была ступить послѣ севастопольскаго погрома, — и дорога реакціи. Пусть каждый выбираетъ одну изъ этихъ дорогъ вполне сознательно.....

21 Января 1889 г.

Женева.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ У

H. GEORG, Corraterie, 10, Geneve

- Громада, Українська збірка, впорядкована М. Драгоманом.
№ I—2 фр., № II—8 фр., № III—2 фр., № IV—6 фр.
- Листок Громади, № 1. 1878. 1 фр.
- Вільна Сімка. Безстроковий додаток до Громади. № 1, 1880.
- Громада, укр. часопись, впорядкована М. Драгомановим,
С. Подолинським. № 1 и 2, 1881, по 2 фр.
- Нови українські пісні про громадські справи (1764—1880).
1881. 3 фр.
- Политичні пісні укр. народу XV—XIX ст. З увагами М.
Ч. I. Розд. I. 1883. 3 фр. 50 с. Розд. II. 1885. 4 фр.
- Письмо В. Гр. Ельшиного къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ.
1831. 1 фр.
- Историческая Польша и Великорусская демографія. М. Др.
дѣльный отгисекъ изъ «Вольнаго Слова». №№ 3—20.
- Діюисій Ш С. Петербургскій и Платонъ II Московскій. Б.
«Народная Воля» о централизациі револ. борьбы. Его же.
Къ біографіи А. П. Желясова. Его же. 50 с.
- Вольный союзъ. Опытъ укр. политико-соціальной программ.
исва. 1884. 2 фр.
- Наказуєт новизъ смуть. Его же. 1887. 50 с.
- Либерализмъ и земство въ Россіи. Его же. 1889. 1 фр.
- Marija maty Isusowa. Wirszki Szewczenka z uwahamy M.
1882. 50 с.
- Марія, поэма Шевченка въ русскомъ переводѣ, съ примѣча.
гоманова. 1885. 50 с.
- Записки ложно-русскаго социалиста. 1877. 1 фр.
- Життьє і здоров'я лужей на Україні. С. Подолинського. 1880.
Соціалісти-українці въ Австрій. Его же. 1880. 50 с.
- Ремесла і хвабрики на Україні. Его же. 1880. 2 фр.
- Пань-Народолобець. Повість. 1879. 1 фр.
- Хіба ревуєт воли, якъ жасна новні? Романъ з народнаго
Мирного та Білика 1880. 6 фр.
- «Вольнее Слово». (политическая газета) №№ 21—62, 1882.
1 фр. за №. Вмѣстѣ №№ 31—36 10 фр., №№ 37—52—62 5 фр. Въ послѣднихъ №№-ахъ помѣщеніи, мо.
земскія записки и проекты 1882—1883 г. г., а также
П. Герцену: Бакунина, Мельгунова, С. Громеки,
Аксакова, Ю. Самарина, Б. Чичерина.
- «Свободная Россія» (политическая газета). Редакторы: Ил. П.
Добогорій-Макрѣвичъ. 1889. № 1. 2 фр.

S

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

<p>211 20-1000</p> <p>20-1000</p> <p>20-1000</p> <p>20-1000</p>		
---	--	--

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 03051 0435

